

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ . . . 7 р. 50 к.

на 9 мѣсц. . . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсц. . . 4 р. —

Отдѣл. нумера по 20 к.

Съ доставк. и пересылкой

на годъ . . . 8 р. —

на 9 мѣсц. . . 6 р. —

на 6 мѣсц. . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ . . . 14 руб.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Спб., Повар. пер. д. 5, к. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Спб.,

Ивановская, д. № 13, кв. 18.,

а также въ книж. маг. Воль-

фа, Нев., Гости. дв. № 18,

Въ Томскѣ—въ книжномъ

магазинѣ Магушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ

Редакціи газеты «Сибирь».

Въ Омскѣ—въ книж. ма-

газинѣ Александра.

Въ Тьелісѣ—въ книжн.

агентствѣ Шавердова.

СОДЕРЖАНІЕ: Судьба городского самоуправления на Востока.—Жизнь провинціи. С. К.—Хроника.—Корреспонденціи.—На открытіе сибир-
скаго университета (стихотвореніе). Констан. Никифорова.—Сибирь на Московской выставкѣ. Сибирскаго репортера.—Кульджа наканунѣ сдачи.
А. Сумарокова.—Хроника жизни за ведѣлю.—Кривтика и библиографія.—Биржевыя извѣстія.—Объявленія.

СУДЬБА ГОРОДСКАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ НА ВОСТОКѢ.

Изъ общественныхъ учреждений, въ которыхъ можетъ проявиться общественная дѣятельность, общественная инициатива, общественный здравый смыслъ и чувство общественной безопасности, въ Сибири являются единственными городскими думами. Какъ бы то ни было, это органы общества, которымъ суждено развитіе. Они есть начало, залогъ жизни и самоуправления общественнаго. Какими бы они недостатками ни проявляли себя, корни ихъ все-таки останутся въ народной и общественной жизни. Здѣсь, все-таки, есть здоровая сердцевина. Къ сожалѣнію, печальный жребій вынאלъ «новому городскому положенію» въ Сибири. Старыя учрежденія съ перваго раза возненавидѣли эти учрежденія, а мѣстные представители всевозможной опеки подсиживаютъ ихъ и стараются доказать, что сибирское общество еще недоразвилось до самоуправления. И вотъ, эти молодые учрежденія пьиваютъ горькую чашу всевозможныхъ подвоховъ и каверзъ.

Просматривая городскіе отчеты, бюджеты и постановленія сибирскихъ думъ, слыша, какъ иногда апатично относятся мѣстные гласные къ своимъ общественнымъ интересамъ, какъ часто не могутъ состояться собранія по недостатку законныхъ голосовъ для рѣшенія, эти городскія учрежденія справедливо иногда заслуживаютъ упреки и обвиненія мѣстной печати. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть непростительнѣе равнодушія къ общественнымъ интересамъ, что можетъ быть прискорбнѣе, когда общество само отворачивается отъ своихъ дѣлъ и представителей, избранные имъ, не удовлетворяютъ своему назначенію. Глубокую скорбь и раздумье навѣваетъ это на людей, вѣрящихъ въ общественныя силы и ожидающихъ здѣсь залоговъ жизни и обновленія. Поэтому мы понимаемъ упреки обществу и мѣстному городскому самоуправленію со стороны друзей этого самоуправления, въ нихъ сквозитъ желаніе видѣть его лучше и достойнѣе себя. Они критикуютъ это самоуправленіе во имя его самого, иначе, они критикуютъ себя. Имъ и въ голову не приходитъ сравнить и унижить его съ старыми кашцелар-

скими учреждениями, гдѣ дѣло дѣлается по найму и подъ угрозой, учреждениями обреченными на безжизненность, безгласность, подъ которой копошится веденіе дѣлъ «спустя рукава», недобросовѣтность, нажива, масса злоупотребленій, взяточничество и т. п.

Но иное дѣло нападки на думы и ихъ постановленія со стороны враговъ самоуправления въ принципѣ. Они злорадствуютъ и торжествуютъ надъ всякой неудачей и промахомъ, въ однихъ цѣляхъ убить это самоуправленіе. Въ Сибири, страшнѣе калифатствъ, не терять голоса общества, не выносятся независимыя мнѣнія. Здѣсь представителямъ городовъ читаютъ наставленія, какъ мальчишкамъ, думѣ приказываютъ нести тотъ или другой налогъ, что и бывало въ думахъ уже послѣ введенія новаго городского положенія. Присылались прямо чиновники отъ вліятельнаго администратора, требуя денегъ «на освѣщеніе» или «водопроводы», сообразно новой фантазіи администратора. Гласнымъ угрожаютъ административной местию, представитель городского управления можетъ быть оскорбленъ полиціей безнаказанно*). Все это рисуетъ, въ какомъ осадномъ положеніи находится городское самоуправленіе въ Сибири. На него нападаютъ часто друзья и враги вмѣстѣ. Отсюда понятны будутъ здѣсь недоразумѣнія, пререканія и отмѣна думскихъ постановленій, кончающаяся сенатской апелляціей.

Представители старой приказной опеки тяготѣютъ со всѣхъ сторонъ надъ молодымъ городскимъ самоуправленіемъ, они живутъ въ окружающихъ старыхъ учрежденияхъ, они живутъ въ самой думѣ**). Тактика съ городскимъ самоуправленіемъ въ Сибири, со стороны враговъ его, самая двуличная. Покорно, смиренно это самоуправленіе,—его упрекаютъ въ бездѣятельности и отсутствіи инициативы; начинается оно подавать самостоятельный голосъ, его признаютъ строптивымъ и противодѣйствующимъ администраціи. Подавлены, обезли-

*) Въ Томскѣ гласный Бытновъ былъ выведенъ изъ церкви квартальнымъ.

**) Недавно въ Барнаулѣ была цѣлая война за то, что пробивался въ головы насильно какой-то выгнанный полицейскій и причинилъ массу хлопотъ обществу.

ченны или обезсилены эти думы послѣ борьбы, изгнаны изъ нихъ безпокойные элементы,—и опять они виноваты. Ихъ упрекаютъ въ неспособности, дурномъ подборѣ лицъ, хотя все это и явилось послѣдствіемъ борьбы съ ними. Городское начало и независимость городскихъ сословій давно проявилось въ Сибири, въ краѣ демократизма и крупнаго капитала оно не могло не дать себя почувствовать. Задолго до введенія новаго городского положенія, города Сибири пробовали выразить общественный голосъ. Но противъ этихъ проявленій велась ожесточенная борьба со стороны Пестелей, Трескиныхъ и т. п. дѣятелей. Городекіе представители часто платились дорого за оппозицію; Сибиряковы, Мыльниковы въ Иркутскѣ пострадали передъ прїѣздомъ Сперанскаго. Нѣсколько разъ городское начало поднимало въ Сибири голову, но было постоянно въ этой борьбѣ сламываемо, обезличиваемо и доводимо до слабости и ничтожества. Съ новымъ городскимъ положеніемъ продолжается та же борьба, потому что въ Сибири все остальное не измѣнилось.

Безурядица городского дѣла въ Сибири была изложена въ № 29 газ. «Сибирь» за 1881 г. Сибирскіе города давно страдаютъ «безголовьемъ», въ головы никто нейдетъ, потому что независимому человѣку можно много натерпѣться. Въ головы выбираются и нанимаются люди «отпѣтые». По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Нерчинскѣ голова жаловался на гласныхъ начальнику, а начальникъ задалъ головомоіку гласнымъ и это называется въ Сибири «новое городское положеніе».

Надо замѣтить, что въ этой борьбѣ заинтересованы не только представители стараго приказнаго порядка, враги гласности, общественнаго веденія дѣлъ, но и масса темныхъ элементовъ, дѣйствующихъ въ городахъ во вредъ другимъ, и подъ вліяніемъ личныхъ интересовъ всевозможныхъ кулаковъ, монополистовъ, кабачниковъ, спекулянтовъ, находящихся въ союзѣ съ сосланными мошенниками и непризванными ходатаями по дѣламъ. Общественная бдительность и гражданское чутье заставляютъ иногда городскія думы выступать и бороться противъ нихъ. Иначе жизнь отъ этихъ вредныхъ элементовъ, стремящихся уничтожить всякій законъ, станетъ невыносима. Думы не разъ заявляли ходатайства, избавить ихъ отъ причисленія къ мѣщанскимъ обществамъ есылныхъ. (Таковыя ходатайства были въ Томскѣ, Туринскѣ, Ялуторовскѣ, Тарѣ, Ишимѣ и друг. городахъ).

Не странно-ли, что при этой борьбѣ блюстители сибирскаго закона и мѣстная администрація принимаютъ сторону не города, а сторону враждебную городскому самоуправленію и пытаются дискредитировать его. Въ то время, какъ городскія думы пробуютъ отстаивать общественные интересы и безопасность городовъ, напримѣръ, во время пожаровъ, понятно, другая сторона преслѣдуетъ свои личные и своекорыстные интересы, или пробуетъ неподчиняться закону и избавиться отъ него. Спрашивается, какую же роль играетъ губернская администрація, принимая сторону послѣднихъ въ борьбѣ съ городскимъ началомъ?

Въ доказательство того, что городскіе элементы не всегда представляютъ собою равнодушныхъ зрителей окружающаго, что въ обывателяхъ пробуждается чувство законности, стремленіе къ правдѣ, помещаемъ слѣдующее письмо изъ глухаго сибирскаго города, отъ одного изъ простыхъ обывате-

лей, адресованное въ нашу редакцію, отличающееся не столько краснорѣчіемъ, сколько горькою правдою.

«Прочиталъ я статью вашей газеты въ № 5-мъ: «Начало сибирскихъ реформъ», въ заключеніе которой вы совѣтуете намъ «укрѣпиться вѣрою въ будущность нашей дорогой родины, въ ея человѣческое призваніе, обновленіе и сохранять надежду до лучшаго времени». Но я полагаю, что нечего обольщаться намъ свѣтлыми надеждами, по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ; вѣдь проекты для реформъ и самыя реформы будутъ составляться и вводиться по усмотрѣнію чиновниковъ, но не призовутся общественныя силы; гдѣ же чиновникъ подниметъ на себя руку? Они у насъ несокрушимая сила. Зачѣмъ мнѣ вамъ перечислять всѣ ихъ поступки, которые намъ не то что предавать гласности, но о которыхъ и говорить нельзя, а только думать, вздыхать и качать головой. Эти чиновники, на нашихъ общественныхъ избранниковъ имѣютъ развращающее вліяніе; напримѣръ въ деревняхъ, крестьянина; онъ до того времени хорошъ, пока не служитъ ни въ какой общественной должности, но какъ только онъ поступаетъ на общественную должность, онъ беретъ примѣръ съ чиновника и дѣлается вичникомъ и притѣснителемъ своихъ же общественниковъ; если же онъ вздумаетъ заступиться за справедливость, правду, за интересъ своего общества, онъ на первый разъ будетъ арестованъ; и если не будетъ безусловно повиняться чиновникамъ, велятъ на мѣсто его избрать другаго, а жаловаться намъ на нихъ некому; но если бы кто вздумалъ пожаловаться на нихъ и попытаться бы раскрыть ихъ злоупотребленія, то его услали бы туда, куда Макаръ телятъ гоняетъ. Въ нашихъ городахъ хотя чиновники и не имѣютъ вліянія на выборъ общественныхъ должностей, но выборное лицо трепещетъ предъ чиновникомъ: хотя онъ его и не смѣнитъ со службы, но можетъ во многомъ притѣснить. Намъ нужна широкая свобода гласности и контроль надъ общественными дѣлами, чтобы не думали наши общественные избранники ловить рыбу въ мутной водѣ, и за всякое воровство и хищеніе общественныхъ суммъ карались бы судомъ скорымъ и справедливымъ. Для воровъ и хищниковъ не наказаніе, если ихъ будутъ переводить на жительство изъ одного города въ другой, какъ Юханцева, Буша и т. п. Необходимо, чтобы за преступленія по должности лица отдавались бы суду общественниковъ. Во время выборовъ избиратели выдавали бы избранникамъ инструкціи, а избранники доводили бы до свѣдѣнія своихъ избирателей о своихъ дѣйствіяхъ; въ случаѣ неисполненія своихъ обязанностей, служащіе въ городской управѣ, какъ по найму такъ и по выборамъ, слагали бы съ себя званіе гласнаго, если они не имѣютъ времени нести службу».

Таковы требованія гражданской добросовѣстности, проявляющіяся уже въ общественномъ мнѣніи. Вашими бы устами медъ пить! скажемъ мы въ отвѣтъ на это письмо.

ЖИЗНЬ ПРОВИНЦІИ.

«Заснули думы, сердце спитъ;
И все заснуло»...

Т. Шевченко.

Эти слова Шевченка прекрасно характеризуютъ современное состояніе провинціальной жизни. Спитъ наша провинція,

какъ заколдованная царевна, ожидающая того сказочнаго богатыря, который однимъ могучимъ словомъ разрушитъ волшебныя чары и вызоветъ къ плодотворной жизненной дѣятельности ея богатія природныя силы, ожидающія первой возможности приложенія къ полезному, жизненному дѣлу. Живчикомъ переливается алая кровь по жиламъ спящей царевны; выраженіе напряженной энергіи застыло на ея неподвижномъ лицѣ; мучительное желаніе свободы и простора для самой разносторонней дѣятельности сжало эти блѣдныя губы. Но могучи историческія чары; велика сила волшебства, обреченнаго полную жизненныхъ силъ натуру на продолжительную летаргію.

Значеніе Кіева, какъ губернскаго города, совершенно ступивается передъ его историческимъ значеніемъ, какъ центра цѣлаго края изъ губерній съ малорусскимъ населеніемъ; а потому тѣ явленія кіевской общественной жизни должны обращать на себя преимущественное вниманіе, которыя имѣютъ краевое значеніе. Самымъ главнымъ изъ нихъ, въ послѣднее время, слѣдуетъ считать вопросъ о малорусскомъ языкѣ, вопросъ, дающій главное содержаніе направленію, извѣстному подъ именемъ украинофильства. Что это за направленіе? Отвѣтъ будетъ аналогиченъ съ слѣдующимъ: «Что есть законъ? — преступленій ради приложитася». Такъ и украинофильство: это рефлексъ тѣхъ, ничѣмъ невызванныхъ стѣсненій, которымъ вотъ ужъ сколько времени подвергается малорусское слово, малорусская народность. Сначала отчуралась отъ нихъ малорусская знать, усвоившая себѣ, въ западной Малороссіи, польское шляхетство, въ восточной—великорусское дворянство. Малорусскій языкъ сталъ, такимъ образомъ, «хлопнымъ», «мужичкимъ» языкомъ для ополченыхъ и обрусѣлыхъ малорусскихъ пановъ. Но, по мѣрѣ развитія образованія среди этихъ же пановъ, среди мѣстнаго духовенства возникаетъ теченіе, имѣющее своею цѣлью изученіе и дальнѣйшее развитіе малорусскаго языка, малорусской литературы, всего прошлаго и настоящаго малорусскаго народа. Могучій гевій Шевченка придавъ этому направленію силу, далеко еще неисчерпанную и высоко поднявъ значеніе малорусской литературы; въ томъ же духѣ дѣйствовали Квитка-Основьяненко, Котляревскій, Гребенка и прочіе малорусскіе писатели.

Новыя условія жизни создаютъ и новыя потребности, выдвигаютъ на очередь новыя вопросы народной жизни. Такъ и у насъ, съ освобожденіемъ крестьянъ, явился вопросъ о народной школѣ, а вмѣстѣ съ нимъ—и вопросъ о языкѣ въ малорусской школѣ, въ церковной проповѣди, въ популярной литературѣ, въ журналистикѣ. Отвѣтомъ на возникшій запросъ были: «Грамматка» г. Кулиша, буквари Шевченка, г. Деркача, г. Шейковскаго и другихъ, воскресныя и ежедневныя новыя школы, школа народныхъ учителей въ Кіевѣ, новое изданіе «Кобзаря» Шевченка, появленіе малорусскаго журнала «Основа» въ Петербургѣ и проч. Видное участіе въ этомъ оживленіи украино-народнической дѣятельности принимала учащаяся малорусская молодежь; ея усиліямъ удалось дѣло народнаго образованія сдѣлать общественнымъ дѣломъ, привлечь къ нему вниманіе и содѣйствіе мѣстнаго общества.

Тогда-то злосчастное польское возстаніе вызвало извѣстныя обвиненія г. Каткова всего и всѣхъ, въ томъ числѣ и украинофильскаго движенія—въ сепаратизмѣ. Съ тѣхъ поръ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ стали подозрительно

смотрѣть на всякое проявленіе народно-украинскихъ стремленій, и карательныя и общія репрессивныя мѣры стали слѣдовать одна за другой. Малорусскій языкъ запрещенъ въ школѣ, въ театрѣ, въ концертѣ, въ научно-популярной книжкѣ. Эти—то ослабѣвавшія, то опять усиливавшіяся запрещенія создали и новую задачу для украинофиловъ—доказать ошибочность репрессивной политики, ничѣмъ инымъ, кромѣ страха передъ «жупелами» «макающаго въ разумъ перо» г. Каткова, невызванной; доказать, что политика эта является только лишнимъ препятствіемъ, лишней задержкой на пути правильнаго развитія народной жизни въ краѣ.

Съ этой точки зрѣнія, нельзя не пожалѣть о прекращеніи или приостановкѣ на время мѣстной газеты «Трудъ», которая хотя и не была, какъ многіе считаютъ, органомъ украинофиловъ, но всегда стремилась быть выразительницей общественныхъ краевыхъ интересовъ, а такими, естественно, оказывались интересы малорусскаго народа, служеніе которымъ составляетъ главную задачу украинофильства. Въ настоящее время, для удовлетворенія этихъ интересовъ являются настоятельно необходимыми слѣдующія мѣры: допущеніе малорусскаго языка въ малорусскія школы; снятіе съ малорусской литературы наложеннаго на нее veto, наложеннаго въ силу того только, что она малорусская; освобожденіе вообще мѣстной литературы отъ цензурныхъ стѣсненій; падѣленіе здѣшнихъ чиншевикомъ и, вообще, малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ землей; введеніе земскихъ учреждений въ юго-западномъ краѣ, съ центральнымъ земскимъ учрежденіемъ въ Кіевѣ для всѣхъ губерній кіевскаго генераль-губернаторства, и предоставленіе этому собранію возможно большей юрисдикціи въ мѣстныхъ дѣлахъ.

Вотъ desiderata нашей провинціи, вотъ то, чего она ждетъ, чтобы имѣть возможность выйти изъ теперешняго состоянія апатій, отражающагося полнѣйшимъ застоємъ всякаго рода общественной дѣятельности. Свѣта и простора—вотъ мольба провинціи, вотъ тѣ слова, которыя въ состояніи снять исторіей наложенныя на нее чары. Только при условіяхъ свѣта и простора, провинціальныя цевтры, а въ томъ числѣ и Кіевъ, въ состояніи сдѣлаться такими свѣтильниками, какими бы желалъ ихъ видѣть г. С., авторъ замѣтки—«In hoc vinces» въ 13 номерѣ «Восточнаго Обозрѣнія».

Упомянувъ здѣсь объ этой замѣткѣ и соглашаясь волиѣ съ почтеннымъ авторомъ въ томъ, что онъ говоритъ объ историческомъ значеніи для насъ, для нашего будущаго принципа провинціи,—я никакъ не могу согласиться съ его мнѣніемъ о второстепенности значенія для насъ же, «вершинъ самоуправленія», пользуясь выраженіемъ автора *).

Г. С. говоритъ: «Что же касается вершинъ самоуправленія, то онѣ вовсе не составляютъ (для насъ) такой же (какъ «міры» провинціальныя, областныя) насущной потребности». Въ возникновеніи этихъ областныхъ «міровъ», что было бы, по мнѣнію почтеннаго автора, только дальнѣйшимъ развитіемъ принципа села, г. С. видитъ единственное средство въ борьбѣ съ «величайшими изъ препятствій» на пути нашего культурнаго развитія—обширностью государства и большимъ

* Желая дать мѣсто обсужденію «провинціальнаго вопроса» во всей его широтѣ, мы съ удовольствіемъ въ областномъ обзорѣ помѣщаемъ настоящее письмо, какъ выраженіе лучшихъ надеждъ провинціи. Что касается до несогласія автора письма съ уважаемымъ нашимъ сотрудникомъ С.,—то оно скорѣе кажущееся. *Ред.*

процентомъ безкультурныхъ населеній. Г. С. упускаетъ при этомъ изъ виду еще третью, столь же значительную, препятствіе, выработанное нашей исторіей—это наша привычка къ бюрократической опеке, являющейся до сихъ поръ главнымъ принципомъ нашей правительственной системы. Это препятствіе требуетъ противъ себя извѣстныхъ воспитательныхъ средствъ; однимъ изъ нихъ, и очень важнымъ, какъ показываетъ исторія, и являются «вершины самоуправленія», какъ одно изъ условій правильности и непрерывности всякаго мѣстнаго самоуправленія. Если совершенно вѣрно положеніе г. С., что «государственное самоуправленіе безъ провинціального, какъ, въ свою очередь, провинціальное безъ общиннаго есть одна политическая мечта, заманчивый, но неуловимый идеалъ», — то такъ же справедливо и обратное положеніе о зависимости мѣстнаго самоуправления отъ государственнаго. Правда, что «вершины самоуправленія, какъ говоритъ г. С., терпятъ болѣе всего другого», но что же дѣлать, если наше прошедшее не дало намъ ничего болѣе вѣрнаго? Надъ прошедшимъ мы невластны, — будемъ же стоять хоть «за счастливую случайность» въ ближайшемъ будущемъ. Только при полномъ взаимодействіи «эмбриона», по выраженію г. С., среднихъ формъ и «вершинъ самоуправленія» и возможно у насъ развитіе провинціализма, возрожденіе нашихъ провинцій, въ чемъ и заключается залогъ нашего будущаго, какъ это признаетъ и г. С.

С. К.

ХРОНИКА.

Несмотря на опубликованное утѣшеніе восточно-сибирскимъ жителямъ со стороны мѣстной власти, что генералъ-губернаторство здѣсь остается на прежнихъ основаніяхъ, и нынѣшній начальникъ самолично озаботится о всѣхъ необходимыхъ въ краѣ реформахъ, несмотря на это, судя по мѣстнымъ извѣстіямъ, здѣсь живетъ невесело:

„Кулакъ и монополистъ жить не даютъ, они дѣйствуютъ бодрѣе и смѣлѣе, ишутъ изъ Восточной Сибири; у насъ припоминаютъ постоянно генерала Синельникова, взывшаго сторону населенія и попытавшагося обуздать мѣстную наживу и грабежъ народа.“

„Нынѣ отовсюду жалуются на бездѣйствіе въ уѣздахъ, на медленность и неправосудіе чиновниковъ, на непринятіе ими, въ свое время, мѣръ къ удешевленію продуктовъ и на необузданіе кулаковъ и спекулянтовъ (послѣдніе по преимуществу жида), скупающихъ хлѣбъ и прочіе припасы, съ цѣлію поднять на нихъ цѣны.“

„Изъ Николаевска на Амуръ жалуются на воровство и на безчинства солдатъ особенно, полицейскихъ служителей и ишутъ, что тамъ женщинамъ нѣтъ прохода по улицамъ. Изъ Красноярска тоже жалуются на воровство и даже убійства и ишутъ, что тамъ скоро прохода не будетъ по улицамъ отъ мазуриковъ и карманниковъ. Это объясняютъ наплывомъ ссыльныхъ и бѣглецовъ. Въ Иркутскѣ тоже кражи очень частыя и дерзкія, особенно на нихъ жаловались съ осени до самаго лѣта. Недавно, въ Знаменскомъ предмѣстьѣ украли до 11 коровъ у разныхъ лицъ, а полицейскій приставъ 2-й части, несмотря на заявленія и жалобы, не принявъ должныхъ мѣръ къ розысканію украденнаго и, благодаря только случайности и помимо его, большая часть коровъ найдена въ Усольѣ, за 60 верстъ отъ Иркутска.“

Изъ Владивостока сообщаютъ въ то же время слѣдующее: „Дорого обходится казнь содержаніе матроса и солдата, и тѣмъ обидѣе видѣть эти расходы непроизводительными. Такъ, здѣсь изъ матросовъ командиръ сибирскаго флотскаго экипажа создалъ военно-земледѣльческую колонію, арендовавъ у города нѣсколько десятинъ земли, за которую и платитъ аренду изъ экипажныхъ суммъ, за-

должаетъ постоянно на устроенномъ (опять на экипажные же деньги) „хуторѣ“ до 40 человекъ матросовъ на обработку полей, выдѣлку колбасы и уходъ за дойнными коровами и рабочимъ скотомъ. При этомъ замѣчу, что матросовъ колбасами не кормятъ и молокомъ не поятъ, даже рѣны (въ прошломъ году) даромъ не давали, а брали деньги.“

Въ сибирскихъ городахъ происходитъ борьба съ кабатчиками и содержателями винныхъ складовъ. Въ виду мѣръ огражденія отъ пожаровъ и предупредительныхъ мѣръ, томская городская дума рѣшилась обратить вниманіе на винные склады, расположенные въ городѣ и во время пожаровъ при деревянныхъ постройкахъ причиняющіе не мало бѣдствій. Поэтому она воспользовалась 10 п. ст. 103 городского положенія къ принятію мѣръ безопасности и перенесенію складовъ изъ кварталовъ многолюдныхъ и скученныхъ. Въ Томскѣ это возбудило недовольство среди содержателей винныхъ складовъ, хотя въ Иркутскѣ уже состоялось подобное рѣшеніе и дума привела его въ исполненіе. Вотъ какъ передаютъ „Томскія Губернскія Вѣдомости“ это дѣло: Городская дума возбудила недавно вопросъ о перенесеніи оптовыхъ винныхъ складовъ за городъ. Извѣстно, что дума еще въ декабрѣ прошлаго года постановила оставить существующіе въ городѣ оптовые склады до 1-го октября 1882 года на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они находятся теперь, съ тѣмъ, чтобы въ нихъ хранилось вина и спирта не болѣе пяти бочекъ, согласно 30 ст. „обязательныхъ постановленій“; къ указанному же сроку всѣ вообще оптовые склады вина и спирта должны быть закрыты на городскихъ улицахъ, или перенесены на другія мѣста, опредѣленіе которыхъ предоставлено городской управѣ. Опредѣленіе это было передано г. начальникомъ губерніи на разсмотрѣніе городского присутствія, и послѣднее признало постановленіе думы незаконнымъ, и подлежащимъ отмѣнѣ.“

Поэтому „Томскія Губернскія Вѣдомости“ сами приняли сторону складчиковъ и обрушились на городское общество и думу, съ самыми колкими замѣчаніями и разъясненіями закона, въ одной псевдо-адвокатской статьѣ. Эти Губернскія Вѣдомости отстаивая на своихъ страницахъ всевозможныя темныя дѣла и ведя беззащитную полемику, нелишенную иногда брани, въ концѣ дѣлаютъ слѣдующую необходимую повидимому оговорку:

„Не интересы винныхъ складчиковъ защищаемъ мы, говоря это. Въ постановленіи думы мы видимъ крайне опасный прецедентъ, противъ котораго нельзя не обороняться каждому обывателю, и въ особенности торговымъ людямъ. Мы ратуемъ за неприкосновенность закона и противъ его неправильнаго толкованія и нарушенія“ (sic!)

Разумѣй: за неприкосновенность въ интересахъ гг. Пастухова, Богомолова и другихъ содержащихъ склады въ центрѣ города *). Недурную роль выбрали себѣ „Томскія Губернскія Вѣдомости“! Нечего сказать! Теперь по крайней мѣрѣ понятно, чѣмъ органомъ являются „Губернскія Вѣдомости“ въ Томскѣ.

Изъ Омска намъ сообщаютъ прискорбныя подробности о смерти начальницы Омскаго женскаго пансіона при гимназій, дѣвицы Портнягиной. Поводомъ къ ея трагической смерти послужили личныя неурядности и мѣстныя сплетни. Мѣстное провинціальное общество, обыкновенно очень легкое и фривольное въ собственныхъ нравахъ (съ попойками, битьемъ женъ, веселыми выкриками и тайными интрижками), является иногда весьма строгимъ судьей правъ и этимъ желаетъ оправдать свою незавидную репутацію. Обыкновенно злостная сплетня избираетъ себѣ самыя невинныя жертвы. Какаа-то маскарадная дуэнья разнесла сплетню, что гимназистки бывають въ маскарадахъ; еслибы и появилась какая-нибудь дѣвица съ родственниками въ благородномъ собраніи, то конечно это не было бы еще нравственное паденіе. Но провинціальный злой языкъ постарался придать этому особое значеніе. Говорятъ, что этой сплетней воспользовались люди, которые хотѣли опредѣлить вмѣсто д-цы Портнягиной какую-то свою протеже начальницей пансіона. Бѣдная П. была смущена этими толками. Скоро сплетня перенеслась на ея личную репутацію. Ее начали подозрѣвать, на-

*) Нѣтъ-ли тутъ еще следа г. Монасевича?

чали намекать, и какой-то безголовый старецъ прямо объявилъ ей, что она „не въ такомъ положеніи, чтобы занимать постъ наставницы“. Несчастная, не зная вины за собой, испытывала страшныя нравственныя мученія. Наконецъ кто-то намекнулъ, что нужна была бы медицинская экспертиза для доказательства нравственной репутаціи. Каковы нравственныя требованія?! Подъ вліяніемъ этихъ толковъ г-жѣ П. передаютъ, что она будетъ уволена не въ 24 часа, а въ 24 минуты. И дѣйствительно состоялся приказъ о ея увольненіи. Въ ту же ночь несчастная отравилась спичками, оставивъ записку благородному обществу такого содержанія: „если оно желаетъ убѣдиться въ ея невинности, то можетъ убѣдиться послѣ ея смерти“!

Такъ совершенно не самоубійство—но убійство! Столь ревнивое въ слѣдствіи и розыскахъ, мѣстное общество и сплетники конечно не понесли никакой нравственной отвѣтственности. Между тѣмъ, если ужъ желаетъ общество слѣдствій и кары преступленія, то здѣсь-то и должны быть примѣнены они. Скоропостижная смерть г-жи Портягиной имѣла своихъ виновниковъ.

Недавно изъ благодушствующаго и увеселяющагося Семипалатинска была прислана корреспонденція, на которую „Стрекоза“ сочла вужнымъ дать слѣдующій отвѣтъ: „Мы ничуть не сомнѣваемся въ областномъ всевластіи г-жи П. Е. Р., но это вопросъ чисто мѣстный“. До сихъ поръ Семипалатинскъ мы считали городомъ полутатарскимъ, теперь онъ оказался управляемымъ женщинами (можетъ быть милыми одалисками). Чего не бываетъ въ нашихъ мѣстахъ!

Въ Красноярскѣ состоялся сѣздъ депутатовъ духовнаго вѣдомства. Вотъ что говоритъ объ этомъ корреспондентъ „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, газеты, ревностно посвятившей себя поднятію лучшихъ стремленій въ нашемъ духовенствѣ. „8 октября минувшаго года окончились засѣданія оо. депутатовъ XII по счету сѣзда духовенства енисейской епархіи, начавшіяся съ 29-го сентября того года, по дѣламъ Красноярскаго духовнаго училища. На сѣздѣ участвовали 16 депутатовъ, въ числѣ коихъ даже были изъ неокончившихъ курса семинарскихъ наукъ и одинъ вовсе не выдавшій семинаріи. Въ заключеніе не излишне рассказать финалъ дѣйствій депутатовъ. Когда оо. депутаты, окончивъ засѣданія, заявили къ владыкѣ принять напутственное благословеніе, послѣдній спросилъ: „Что вы хотите дѣлать съ своими протоколами?“ — „Мы желали бы отпечатать ихъ и разослать по церквамъ“, было отвѣтомъ сиропенныхъ. „Не предпологалъ я этого, продолжалъ архипастырь, а то бы не таковыя налагалъ и резолюціи. Впрочемъ — если не стыдно, то печатайте“. И дѣйствительно, прежде нежели препроводить протоколы въ типографію, много труда, какъ передаютъ очевидцы, было для г. зрителя училища осмыслить избраженные на хартияхъ глаголы оо. депутатовъ“...

Въ жизни Европейской Россіи есть много поучительнаго для окраинъ. Въ кассационномъ уголовномъ департаментѣ разсматривалось дѣло о ложномъ доносѣ о политической неблагонадежности св. Авсенова, сдѣланномъ отставнымъ рядовымъ Рязановымъ въ сообществѣ съ другими лицами. Рязановъ представилъ письмо св. Авсенова къ волостному писарю Жилиеву, которымъ тотъ приглашалъ Жилиева прибыть немедленно для совѣщанія по весьма важному дѣламъ, причемъ на запискѣ этой, ниже подписи Авсенова сдѣлана приписка телеграфными знаками слѣдующаго содержанія: „я уже совѣтовался съ Сахаровыми, лучше подождать изъ комитета распоряженія, берегись какъ можно и сожги всѣ прокламаціи, а Василь Григоричу Сахарову дай знать скорѣе.“ Вслѣдствіе этого заявленія богучарскимъ исправникомъ произведено секретное дознаніе, которымъ вполне выяснена невинность священника Авсенова; записка была написана по поводу семейныхъ дѣлъ, а приписка сдѣлана полицейскимъ урядникомъ Богословскимъ, бывшимъ телеграфистомъ; сначала преступники предлагали св. Авсенову отдать записку за выкупъ въ 100 рублей, а послѣ его отказа на такую сдѣлку былъ сдѣланъ доносъ. Острожскій окружный судъ, въ виду вердикта присяжныхъ, приговорилъ Рязанова, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь на поселеніе, а Богословскаго, по лишеніи всѣхъ

особенныхъ правъ, сослать на житье въ Иркутскую губернію. Кассационный департаментъ жалобу подсудимыхъ оставилъ безъ послѣдствій.

Судъ совершилъ свое дѣло, наложивъ кару за преступленіе; теперь долгъ печати разсмотрѣть вопросъ объ условіяхъ общественнаго быта, благопріятствующихъ подобнаго рода проявленіямъ личной воли. Какъ на одно изъ такихъ условій, нужно указать на податливость провинціальной администраціи къ доносамъ. Какъ бы строгъ и справедливъ судъ ни былъ, однихъ каръ для прекращенія лжесвидѣтельствъ недостаточно; нужно очистить атмосферу, въ которой они зарождаются. Противъ того, что наша провинціальная администрація умышленно или неумышленно можетъ поощрять лжесвидѣтельство, едва ли будетъ кто спорить. Иногда по недоразумѣнію, иногда по неблагоразумію она сама подготавливаетъ почву для такихъ плевелъ. Представьте, на примѣръ, такой случай. Приходитъ просительница; начальникъ края не хочетъ или не можетъ удовлетворить ея просьбу и, не умѣя терпѣливо выслушивать надоедливаго просителя, горячится, поднимаетъ голосъ, вызываетъ скандалъ и велитъ вывести просительницу; обиженная дама громко протестуетъ, въ долгу не остается и въ свою очередь прочитываетъ начальнику нотацію, какъ слѣдуетъ себя вести съ просителями. Кое-какъ выпутавшись изъ неловкаго положенія, начальникъ въ отдѣльномъ разговорѣ съ полиціймейстеромъ спрашиваетъ его: благонадежна ли та дама въ политическомъ отношеніи? Дѣлая этотъ вопросъ, очень можетъ быть, онъ вовсе не желалъ никакихъ репрессалій съ цѣлью проучить смѣлую даму; просто онъ составилъ себѣ мнѣніе, что смѣлыя рѣчи начальству не говорятъ обыкновенные обыватели, а говорятъ ихъ только люди политически неблагонадежныя, и своимъ вопросомъ хотѣлъ только выразить свое изумленіе. Но это вѣроятно не помѣшаетъ полиціймейстеру мимоходомъ сказанную фразу принять къ руководству. Въ Сибири же являются и болѣе смѣлыя на этомъ пути клеветы подвиги. Одинъ, отличающійся беззаконіями администраторъ взялся преслѣдовать молодого ученаго и корреспондента. Непонравилось администратору пристрастіе ученаго къ литературѣ и онъ намекнулъ полиціймейстеру. Полиціймейстеръ же сейчасъ попробовалъ поднять вопросъ: „не уклонялся ли сѣй молодой человекъ отъ присяги?“ по этому поводу полиціймейстеръ написалъ доносъ, но дѣло это не получило хода. Далѣе, корреспондента испробовали подтянуть къ какому-то дѣлу, и опять намекнули, но законныхъ основаній не было и даже болѣе заинтересованная въ дознаніи власть отказалась поддерживать подозрѣнія изъ личныхъ счетовъ губернатора. Тогда администраторъ рѣшается отрѣзать всякіе пути къ службѣ и занятіямъ молодого человека и намекаетъ, кому слѣдуетъ. И здѣсь сибирскій администраторъ дѣлаетъ это не съ цѣлью погубить окончательно молодого человека, а только показать ему, что не печать сила, и доставить себѣ маленькое удовольствіе отъ сознанія себя носителемъ настоящей силы. Кто знаетъ нашу провинцію, тотъ не скажетъ, что такіе случаи не бываютъ. А какія послѣдствія? Такіе вопросы, задаваемые сверху, полиціймейстеры, особенно сибирскіе, конечно принимаютъ къ свѣдѣнію и на предбудущіе случаи, а такъ какъ они должны собирать данныя черезъ низшихъ чиновъ, то и эти послѣдніе начинаютъ входить во вкусъ вопросовъ о политической неблагонадежности. Понятно, что кары суда не прекратятъ лжесвидѣтельствъ, пока мѣстными администраціямъ не будетъ сдѣлано свыше внушенія въ родѣ того, какое послѣдовало отъ министра внутреннихъ дѣлъ по поводу анти-еврейскихъ безпорядковъ. Въ Сибири для безнаказанности лжесвидѣтельствъ, конечно, болѣе условій, чѣмъ въ Европейской Россіи, потому что здѣсь не существуетъ гласнаго суда; поэтому здѣсь вести борьбу съ сочинителями ложныхъ доносовъ особенно трудно. Рязановъ и Богословскій идутъ въ Сибирь; ссылка, кромѣ карательнаго, должна имѣть и исправительное значеніе; какое же исправленіе можно ожидать, отправляя ихъ въ край, гдѣ вслѣдствіе отсутствія гласнаго суда лжесвидѣтельство въ большинствѣ случаевъ остается безнаказаннымъ?

„Опять ошибся!“ Такъ приходится постоянно говорить начальнику несчастной Т. губерніи. Смѣнивъ любимѣйшаго секретаря онъ смѣнилъ и любимѣйшаго полиціймейстера Д—го. (Точно султанъ казнилъ любимѣйшую одалиску). Замѣнить его желаютъ однимъ исправникомъ, про котораго извѣстно, что онъ нажилъ 10,000 р.

съ м-и-е-скихъ инородцевъ. Удобный выборъ! Пройдетъ немного времени, и вѣроятно услышимъ еще разъ „Опять ошибся!“ Обыватели даже соболѣзнуютъ, что это онъ все ошибается.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Борохудзиръ близъ китайской границы (корреспонденція «Восточнаго Обозрѣнія»). 10-го іюня, генераль-губернаторъ степнаго края генераль-лейтенантъ Колпаковскій выѣхалъ изъ г. Вѣрнаго на укрѣпленіе Борохудзиръ и далѣе до новой русско-китайской границы по р. Хоргосъ, съ цѣлью осмотрѣть новыя поселенія выходцевъ, таранчей и дунганъ, изъ Кульджинскаго района, а также и для переговоровъ съ цзянь-цзюнь-Дзинемъ по разнымъ политическимъ вопросамъ. Прибывъ 13-го іюня въ укрѣпленіе Борохудзиръ, 14-го генераль-лейтенантъ Колпаковскій отправился на р. Усекъ (въ 14 верстахъ отъ Борохудзира), гдѣ онъ былъ встрѣченъ комиссаромъ генераль-маіоромъ Фриде, войсками тутъ находящимися, населеніемъ Джаркенда (новаго поселенія на Усекѣ) и купечествомъ, прибывшимъ сюда изъ Кульджи. Принявъ отъ послѣднихъ, а также и отъ представителей таранчей хлѣбъ-соль, генераль Колпаковскій былъ приглашенъ къ завтраку. На слѣдующій день онъ дѣлалъ объѣздъ новаго поселенія Джаркендъ, гдѣ уже въ настоящее время поселилась масса таранчинскихъ семействъ, а также пришли и крестьяне съ казаками изъ поселковъ Талгара, Софійска, Луговаго и другихъ. Объѣхавъ поселеніе, онъ осмотрѣлъ верховье главнаго арыка, который въ зимнее время долженъ будетъ снабжать все населеніе водой, такъ какъ въ это время года на р. Усекъ трудно рассчитывать потому, что рѣка эта, какъ и всѣ горныя рѣки, весной и лѣтомъ несетъ страшную массу воды, зимой же совершенно исчезаетъ и только на 2 версты внизъ и вверхъ отъ поселка Усекъ имѣетъ незначительное теченіе съ небольшимъ количествомъ воды, на которую, по дальности отъ поселенія, жители врядъ ли могутъ рассчитывать. Впрочемъ, инженеры, которымъ принадлежитъ выборъ мѣста для поселенія, настойчиво увѣряютъ, что зимой р. Усекъ, передъ городомъ, имѣетъ подземное теченіе съ обильной водой, и что населеніе Джаркенда будетъ круглый годъ съ удобствомъ и въ изобиліи пользоваться водой.

Посмотримъ! Въ недалекомъ будущемъ все это разъяснится.

17-го, генераль Колпаковскій направился далѣе, чрезъ пикетъ Акендъ къ границѣ. По дорогѣ его встрѣчали съ хлѣбомъ-солью таранчи, жители новыхъ поселковъ, которые его превосходительство внимательно осмотрѣлъ, разспрашивая таранчей объ удобствахъ данныхъ имъ новыхъ мѣстъ жительства. По пути отъ Усека до р. Хоргосъ, генераль-лейтенантъ Колпаковскій раздавалъ награды волостнымъ правителямъ и старшинамъ таранчей за ихъ долгую службу и управленіе народомъ. Къ 6-ти часамъ вечера онъ прибылъ на р. Хоргосъ, гдѣ и прожилъ четыре дня.

Цзянь-цзюнь-Дзинь съ войскомъ въ числѣ 600 человекъ пѣхоты и 400 чел. кавалеріи 16-го выступилъ изъ г. Суйдуна, переночевалъ въ 7-ми верстахъ отъ крѣпости Чинчаходзи и 17-го, пополудни, подошелъ къ р. Хоргосъ на противоположномъ восточномъ берегу котораго и остановился. 16-го, для привѣтствія Дзиня былъ командированъ офицеръ, а также и съ китайской стороны высланъ былъ офицеръ для встрѣчи генерала Колпаковскаго. 18-го—съ утра началось оживленное движеніе въ ки-

тайскомъ лагерѣ, который весь усеялся флагами всевозможныхъ цвѣтовъ, что придавало ему эффектный видъ, надъ которымъ мы съ противоположнаго берега съ любопытствомъ наблюдали въ бинокли. Видимо все готовилось къ сопровожденію Дзиня на нашъ берегъ. Три выстрѣла, на подобіе пушечныхъ, извѣстили насъ, что Дзинь тронулся въ путь. Немного спустя весь этотъ лѣсъ флаговъ быстро приближался къ намъ, придавая эффектный видъ шествію, и въ бинокль уже можно было ясно рассмотреть Дзиня, окруженнаго многочисленной и нестрой свитой съ массой кавалеріи, вооруженной найзами (пиками) съ флагами на каждой. Дзинь ѣхалъ на буланомъ иноходцѣ, одѣтый въ желтую шелковую курму (на подобіе кофты) и синюю шелковую юбку до самыхъ пятъ, имѣя на головѣ обыкновенную китайскую черную шляпу съ загнутыми вверхъ полями, съ краснымъ коралловымъ шарикомъ наверху и съ павлиньими перьями сзади.

Наружность Дзиня симпатичная; онъ высокаго роста, крѣпкаго телосложенія, съ смуглымъ лицомъ и черными открытыми глазами. Подъѣзжая къ ставкѣ генераль-губернатора, Дзинь былъ встрѣченъ войсками и маршемъ, исполненнымъ оркестромъ 10-го туркестанскаго батальона. Сойдя съ лошади Дзинь у самой ставки былъ встрѣченъ ген.-лейт. Колпаковскимъ, который и пригласилъ его со свитой въ юрту. Въ числѣ приглашенныхъ были: начальникъ штаба Дзиня, Лиу-Туилинь, начальникъ войскъ, расположенныхъ въ кр. Чинчаходзи, Ма-Туилинь и еще нѣсколько генераловъ. Пробывъ полчаса у ген. Колпаковскаго, Дзинь сдѣлалъ визиты комиссару генераль-маіору Фриде, консулу г. Падерину и семирѣченскому военному губернатору, послѣ чего при той же церемоніи, подъ звуки музыки, Дзинь отправился обратно.

Въ этотъ же день ген.-лейт. Колпаковскій отправился со свитой, въ сопровожденіи 2-хъ сотенъ сибирскихъ казаковъ и массы таранчей и киргизовъ на восточный берегъ р. Хоргосъ, отплатить визитъ цзянь-цзюню. Во время этого свиданья, китайскій лагерь имѣлъ праздничный видъ и, украшенный весь лѣсомъ всевозможныхъ флаговъ, представлялъ очень эффектное зрѣлище. Здѣсь намъ въ первый разъ пришлось видѣть китайскія войска, какъ пѣхоту, такъ и кавалерію, такъ сказать, въ парадѣ. Не могу умолчать, не сказавъ нѣсколько словъ объ этой арміи. Эта тысячная масса людей, которая скорѣе можетъ быть названа толпой, составленной изъ разнаго сброда, чѣмъ правильно организованной и дисциплинированной арміей, производитъ крайне дурное впечатлѣніе. При видѣ небольшого роста, худыхъ, полубосыхъ солдатъ, въ ихъ красныхъ, грязныхъ курмахъ съ синими платками на головахъ, повязанными концами назадъ, какъ у линейскихъ казачекъ, съ непитыми, желтыми лицами, невольно овладѣваетъ какое-то особенное чувство сожалѣнія, а затѣмъ является мысль: неужели это армія? Неужели эта масса живетъ одной жизнью? Неужели эта толпа забытыхъ, лишенныхъ всякой самостоятельности людей, только имѣя лишь одно названіе «войско», въ состояніи противопоставить серьезную силу любой изъ европейскихъ армій? Неужели эта жалкая масса людей есть армія гордой Небесной Имперіи? Между тѣмъ нужно полагать, что войска, пришедшія сюда съ Дзинемъ, да и вообще войска нынѣ занявшія Илійскій край, вѣроятно, составляютъ цвѣтъ китайской арміи; спрашивается: какія же войска во внутреннихъ областяхъ? Вооруженіе и снаряженіе китайскихъ войскъ въ общемъ также имѣетъ жалкій видъ. Положимъ, что можно встрѣтить $\frac{1}{10}$ часть всѣхъ войскъ вооруженныхъ ружьями Спенсера и Винчестера, но также еще больше встрѣчаешь съ первобытнымъ вооруженіемъ, съ длинными четырехъаршинными пиками (найзами), алебардами, разно-

образными съкирами, шашками, коньями и т. п. Да и какая польза вооружать эту армию хорошими ружьями, какъ, на примѣръ, Спенсера, когда ни одинъ солдатъ не умѣетъ и не желаетъ беречь свое оружіе; такъ, не говоря уже про ржавчину, забоины, царапины, грязь и т. п., намъ приходилось встрѣчать у нѣкоторыхъ солдатъ ружья Спенсера съ стволами, забитыми глиной. Кромѣ вышеупомянутыхъ системъ оружія, китайскія войска вооружены ружьями Кринка, Карле и др.

19-го—у цзянь-цзюня былъ обѣдъ, на который былъ приглашенъ ген.-лейт. Колпаковскій, комиссаръ ген.-маіоръ Фриде, консулъ и еще нѣсколько человекъ. Обѣдъ со всеми китайскими церемоніями и при значительномъ количествѣ блюдъ, доходившихъ до 40, продолжался очень долго. 20-го—ген. Колпаковскимъ данъ былъ роскошный обѣдъ, на который былъ приглашенъ Дзинь съ приближенными. Во время обѣда ген. Колпаковскимъ былъ провозглашенъ тостъ за здоровье Ихъ Императорскихъ Величествъ Императора Всероссійскаго и императора китайскаго; тостъ былъ встрѣченъ громкимъ и продолжительнымъ «ура»! Послѣ обѣда, кончившагося уже поздно вечеромъ, Дзинь уѣхалъ на восточный берегъ и на слѣдующій день рано утромъ выступилъ съ войсками обратно въ г. Суйдунъ. Въ этотъ же день ген.-лейт. Колпаковскій отправился въ обратный путь на укр. Борохудзиръ, а потомъ въ гор. Вѣрный прямымъ трактомъ, съ цѣлью по дорогѣ осмотрѣть новыя поселенія кульджинскихъ выходцевъ. Результатъ переговоровъ съ Дзинемъ неизвѣстенъ. Изъ Вѣрнаго, какъ слышно, ген.-лейт. Колпаковскій намѣренъ выѣхать въ г. Омскъ, новую свою резиденцію.

Ташкентъ (корр. «Восточн. Обзор.»). Самымъ важнымъ пунктомъ въ нашихъ среднеазиатскихъ владѣніяхъ, безспорно, служить Ташкентъ, какъ центръ военной власти, административной, судебной, цивилизаторской, промышленной и торговой дѣятельности. Не даромъ русскіе туркестанцы и называютъ этотъ городъ «среднеазиатской столицей». Если на всѣхъ русскихъ жителяхъ Туркестана лежитъ высокая задача быть просвѣтителями, цивилизаторами полудикихъ туземцевъ, то самая значительная доля этой задачи лежитъ на насъ, — жителяхъ Ташкента. Отсюда, съ этой стороны, какъ самая жизнь, такъ особенно и дѣятельность ташкентцевъ является любопытной для нашихъ соотечественниковъ. Мы, пионеры на далекой окраинѣ, добытой потомъ и кровью русскихъ, обязаны всегда давать отчетъ въ своей дѣятельности нашимъ соотечественникамъ, жителямъ нашей метрополіи. Но, къ великому сожалѣнію, нашъ край для русскаго общества составляетъ terra incognita. Кто виноватъ въ этомъ, кто правъ, — судить не намъ, но только русскій Туркестанъ для Россіи и нынѣ—страна, покрытая мракомъ неизвѣстности. Задача моя, какъ случайнаго корреспондента «Восточнаго Обозрѣнія», будетъ состоять въ томъ, чтобы время отъ времени знакомить русскую публику съ выдающимися явленіями изъ жизни и дѣятельности «цивилизаторовъ» полудикаго Туркестана.

Открывая рядъ корреспонденцій изъ Ташкента, я считаю нужнымъ прежде всего познакомить читателей «Восточнаго Обозрѣнія» съ самимъ Ташкентомъ, — съ его положеніемъ и устройствомъ.

Г. Ташкентъ лежитъ на той волнообразной возвышенности, которая идетъ отъ г. Чимкента на С. до р. Сыръ-Дарьи на Ю., отъ отроговъ хребта Уртакъ-тау на В. до Сыръ-Дарьи же на З. На этой мѣстности, по правую сторону одного изъ рукавовъ р. Чирчика, Салара, расположенъ громадный среднеазиатскій городъ Ташкентъ, основаніе котораго восходитъ къ временамъ сѣдой древности. Взятый въ 1865 г. генераломъ Черняевымъ, онъ сталъ

служить съ этого времени центромъ европейской цивилизаціи въ Средней Азій. Съ этого же времени рядомъ съ туземнымъ городомъ, на югъ отъ него, зародилось и главное гнѣздо этой цивилизаціи,—русскій Ташкентъ. Городъ этотъ имѣетъ своеобразный, полуазиатскій характеръ; онъ не похожъ ни на одинъ изъ городовъ Европейской Россіи. Русскій Ташкентъ представляетъ изъ себя ряды крайне однообразныхъ улицъ. Дома здѣсь, за немногими исключеніями, низкіе, одноэтажные, съ плоскими, большею частью камышевыми крышами; впрочемъ, годъ отъ году здѣсь все больше и больше устриваютъ крыши на два ската. Двухъэтажныхъ домовъ здѣсь очень немного; они всѣ извѣстны на перечетъ: мужская гимназія, женская гимназія, контрольная палата, домъ купца Захо. Ташкентскіе дома такъ походятъ другъ на друга, что ихъ бываетъ иногда весьма трудно отличить. Какъ одна, такъ и всѣ улицы одинаково обсажены деревьями (таломъ, топодемъ, карагачемъ и изрѣдка европейскими деревьями) и орошены узкими арыками (оросительными канавами). Выдающихся изъ ряда другихъ зданій, по которымъ можно было бы замѣтить извѣстную улицу или часть города, почти нѣтъ; а если и есть, то они закрыты отъ проходящей публики деревьями. Поэтому новопріѣзжему человеку приходится довольно долго привыкать къ расположенію города и плутать по его улицамъ, если онъ не подмѣтитъ того главнаго плана, который лежитъ въ основаніи расположенія г. Ташкента. Планъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: отъ главной Константиновской площади, находящейся въ центрѣ города, идутъ расходящіяся въ разныя стороны, въ видѣ радіусовъ, улицы. Большой и довольно грязный арыкъ Чаули, протекающій съ сѣвера на югъ, почти по срединѣ города, дѣлитъ русскій Ташкентъ на двѣ части: западную, — городъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, — и восточную, — Зачаулинскую часть. Первая часть города, по преимуществу торговая часть, съ главнымъ Воскресенскимъ рынкомъ (болѣе извѣстнымъ подъ именемъ «Пьянаго базара»), населена весьма густо, застроена крайне тѣсно; оттого воздухъ здѣсь, особенно по вечерамъ и зимой, крайне тяжелъ отъ множества разнаго рода испареній. Въ отношеніи чистоты воздуха самая лучшая часть города Зачаулинскій кварталъ, гдѣ на мѣстѣ прежнихъ дачъ еще недавно обстроился городъ. Эта часть города все болѣе и болѣе расширяется, такъ что центръ городской жизни со временемъ перенесется изъ западной части города на площадь.

Такова въ общихъ чертахъ топографія русскаго Ташкента.

Изъ Бійска (корресп. «Вост. Обзор.»). Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Сибири еще до сихъ поръ встрѣчаются отжившія и исчезнувшія въ Европейской Россіи типы чиновничества, — таковы строй дореформенной Россіи. Нѣтъ, стало быть, ничего удивительнаго и въ томъ, что и общество въ Сибири какъ-то вяло относится къ дурнымъ проявленіямъ своего чиновничьяго люда. Оно приглядѣлось къ нимъ и считаетъ ихъ чѣмъ-то неизбѣжнымъ. Но иногда подобное равнодушіе общества переходитъ даже предѣлы. Вотъ живой примѣръ тому. Представьте себѣ, что въ окружномъ городѣ Бійскѣ (Томск. губ.) въ училищѣ, преобразованномъ на новый ладъ (въ городскомъ) имѣется педагогъ А., проведеншій предварительно годъ въ кузнецкомъ острогѣ за успѣшное прохожденіе въ должности волостнаго писаря въ Кузнецкомъ округѣ. Несмотря на это, въ первое время онъ сумѣлъ занять довольно видное мѣсто въ обществѣ, и до преобразования училища изъ приходскаго въ городское былъ чѣмъ-то въ родѣ старшаго учителя, участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ съ благотворительною цѣлью. Но впрочемъ скоро проворовался въ качествѣ кассира этихъ спектаклей; видѣвъ это, прочіе любители рѣшили, что учитель нечистъ

на руку, и приставили къ нему надежный караулъ, но — и караулъ, предъ способностями педагога, оказался мало значущимъ, послѣ чего любители сочли необходимымъ избѣгнуться совсѣмъ отъ такого дѣятеля-педагога. И вотъ, съ этого злополучнаго времени начались всякія превратности съ почтеннымъ педагогомъ. Въ лавкахъ у всѣхъ купцовъ, а въ особенности у тѣхъ, чьи дѣти учились въ училищѣ, педагогъ кредитовался такъ усильно, что всѣмъ былъ долженъ изрядныя цифры, и конечно о платежѣ этихъ долговъ совсѣмъ не думалъ, во-первыхъ потому, что онъ педагогъ, а кредиторы его просто купцы, а во-вторыхъ потому, что трудится онъ для блага города, учить, воспитываетъ, проливаетъ лучъ свѣта на ихъ дѣтей—такъ неужели-же все это даромъ. Купцы-же должно быть какъ-нибудь не такъ понимали это дѣло и прекратили разомъ всякій кредитъ почтенному педагогу. Жалованье по окладу неособенно велико, и такая превратность другого могла бы поставить въ очень некрасивое положеніе, но отважный субъектъ не изъ такихъ, онъ круто повернулъ дѣло, вспомнивъ что подъ бокомъ Алтай, а въ нѣдрахъ его можетъ быть милліоны всякихъ драгоценностей, только надо умѣть ими пользоваться, и вотъ онъ за послѣднее время практикуетъ присковое дѣло. Практикуетъ онъ это просто, безъ всякихъ затратъ и риска. Дѣло вотъ въ чемъ, есть пословица «свѣтъ не безъ добрыхъ людей», а слѣдовательно и не безъ довѣрчивыхъ», а ихъ-то нашему педагогу и надо. Подмѣтитъ онъ такого человѣчка и начнетъ ему напѣвать, что де въ нашемъ краю нѣтъ предпримчивости, нѣтъ дѣятелей, и что если-бы у него, педагога, былъ хотя небольшой запасъ денегъ, то онъ бы обогатился въ самое короткое время; если такое вступленіе произведетъ свое дѣйствіе на слушателя, то педагогъ предлагаетъ ему вступить въ компанію въ розыскахъ золота, а говорить о присковомъ дѣлѣ педагогъ мастеръ, ибо онъ когда-то былъ ученикомъ горнаго училища, и вотъ такимъ порядкомъ вимаетъ онъ дань съ довѣрчивыхъ людей за званіе его компаніона въ несмѣтныхъ богатствахъ, кто сколько сможетъ. Очень довѣрчивые да побогаче 100 руб. или болѣе, а кто побѣднѣе да можетъ что нибудь прослышалъ о чрезмѣрной дѣятельности педагога, можетъ давать и менѣе, были и такіе люди, которые несли дань эту только въ 5 р., и педагогъ беретъ и всѣмъ говорить—вотъ бы только еще немного и дѣло наше будетъ на верху благополучія. Наконецъ въ Бійскѣ истощился контингентъ компаніоновъ, педагогъ начинаетъ поиски въ сосѣднихъ городахъ, а тамъ не будетъ—будетъ искать далѣе, и очень можетъ быть, что на его вѣкъ довѣрчивыхъ людей хватить. Какъ посмотришь на такую диковинку, досадно становится за общество;—поняли что учитель на руку нечистъ, не пускаютъ его къ деньгамъ, узнали, что долговъ не платитъ,—вѣрять не стали, а дѣтей учить и воспитывать довѣряютъ. Что же это за равнодушіе въ такомъ дѣлѣ?...

Кульджа (корр. «Вост. Об.»). О положеніи дѣлъ въ западно-китайскихъ провинціяхъ и о настроеніи китайцевъ относительно насъ, русскихъ, сообщаемъ небезынтересныя данныя, добытыя изъ источниковъ, заслуживающихъ вѣроятія. Такъ, по свѣдѣніямъ изъ Кашгара, полученнымъ въ первыхъ числахъ мая, англичане снабжаютъ китайцевъ ружьями, заряжающимися съ казенной части, и принадлежностями къ нимъ; такихъ ружей доставлено будто бы 100 тысячъ штукъ. Кашгарскій Лу-шо-даринъ (Лю-цзинь-тань), какъ только узналъ, что англичане снабжаютъ оружіемъ,—просилъ, чтобы выдали и для его войскъ одну тысячу новыхъ ружей. Есть данныя, добытыя здѣсь, въ Кульджѣ, что ружья поставляютъ нѣмцы. По крайней мѣрѣ одинъ китаецъ рассказывалъ, что къ нимъ пріѣдутъ для обученія военному искусству нѣмцы, которые

дадутъ ружья и орудія. Если въ Кашгарѣ считаютъ поставщиками англичанъ, то это можно объяснить извѣстной уже давно и китайцамъ традиціонной нелюбовью англичанъ къ Россіи и русскимъ. Дѣлается распоряженіе, чтобы въ Шихо собрались войска изъ Аксу, Учъ-Турпана, Кучи и Курли—всего въ количествѣ пяти лянъ. Близъ границы съ Нарынскимъ краемъ и Ферганскою областью у Лю-шо имѣется въ разныхъ мѣстахъ отъ Теректы до Хотана до 20 импановъ войска, и въ каждомъ городѣ милиція. Изъ внутренняго Китая отъ высшей власти приказано, чтобы каждый импанъ состоялъ изъ 500 человекъ.

При вполнѣ дружественныхъ отношеніяхъ къ намъ китайцевъ, какія должны бы быть въ настоящее время, по заключеніи только что новаго трактата, приведенныя движенія китайскихъ войскъ близъ границы съ русскими владѣніями не могли бы возбуждать никакихъ подозрѣній въ нашемъ пограничномъ начальствѣ, но по свѣдѣніямъ, полученнымъ здѣсь (въ Кульджѣ) въ первой половинѣ іюня мѣсяца, изъ Суйдуна—резиденціи илійскаго цзянь-цзюня-Дзиня,—китайцы настроены относительно насъ весьма заносчиво и считаютъ настоящее положеніе дѣлъ только перемиріемъ. Такъ, Дзинь будто бы весьма разстроены тѣмъ обстоятельствомъ, что до настоящаго времени онъ не можетъ распорядиться жителями Илійскаго края такъ, какъ ему было бы желательно^{*)}, и просилъ свое высшее начальство о присылкѣ въ Илійскій край еще 40 лянъ войска. Что цзянь-цзюнь дѣйствительно писалъ въ Пекинъ о необходимости усилить его войска, подтверждается и слухами, идущими отъ людей и чиновниковъ Шена, донесшаго, будто бы наоборотъ, что въ этомъ усиленіи надобности никакой нѣтъ. Чье мнѣніе возьметъ верхъ, разумѣется неизвѣстно, но илійское начальство въ Суйдунѣ будто бы, не стѣняясь, вездѣ поговариваетъ, что «чрезъ мѣсяць прібудетъ къ нимъ много китайскаго войска и тогда они съ русскими поговорятъ»; выражаются, говорятъ, и прямѣе: «когда придутъ войска, тогда мы будемъ воевать съ русскими». Приближенные цзиня, даже нѣкоторые изъ приближенныхъ Шена говорятъ, что будто бы императоръ ихъ, которому теперь 16 лѣтъ, пообѣщалъ въ ближайшемъ будущемъ начать войну съ русскими и дойти до Самарканда «гдѣ есть кокъ-ташъ, когда-то принадлежавшій китайцамъ, который надо взять обратно». Разсужденія китайцевъ по этому предмету самыя дѣтскія, но тѣмъ не менѣе, высказывая свои предположенія, они ссылаются на письма изъ Пекина, и, какъ симптомы настроенія илійскихъ начальниковъ, не могутъ не заслуживать вниманія.

Враждебное настроеніе къ намъ китайцевъ очевидно и изъ слѣдующаго: изъ Англіи пріѣхали въ кашгарскую провинцію торговцы около двухъ лѣтъ торгуютъ въ Яркентѣ; китайское начальство всѣ ихъ просьбы исполняетъ и за товары никакихъ пошлинъ не беретъ. Напротивъ, изъ Кокана пріѣхалъ съ товаромъ довѣренный одного купца, по имени Василій Васильевичъ (ни фамиліи купца, ни фамиліи довѣреннаго его не сообщено доставившимъ эти свѣ-

^{*)} Еще до вступленія Дзиня въ Илійскій край, изъ Шихо получены были свѣдѣнія, что войска его не получали жалованья за два мѣсяца и что имъ обѣщанъ былъ будто бы за это, по прибытіи въ долину, трехдневный грабежъ жителей края, разумѣется, таранчей и дунганъ. Дѣйствительно, войска Дзиня, по вступленіи въ Илійскую долину, тотчасъ же предались воровству, грабежу, убійствамъ и всякаго рода насиліямъ, но, встрѣтивъ энергическую защиту жителей со стороны нашего большаго оккупационнаго отряда, стали роптать на то, что они не пошли въ Илійской долины ни жителей, ни женщинъ—только небо да земля. Бездѣйствіе илійскихъ начальниковъ по прекращенію грабежей и защита пойманныхъ и уличенныхъ грабителей подтверждаетъ только слухъ объ обѣщанномъ грабежѣ.

дѣнія) и привезъ товара на 25 тысячъ руб.; съ этой суммы взято пошлины тысяча руб. Затѣмъ, къ нему приставленъ былъ, секретно разумѣется, кашгарецъ Муса-бекъ, для наблюденія за кунцомъ, что онъ будетъ дѣлать. Мы могли бы привести массу фактовъ, касающихся стѣсненія нашей торговли въ китайскихъ провинціяхъ; но ограничиваемся пока лишь приведеннымъ случаемъ, какъ новѣйшимъ, для, такъ сказать, болѣе полной обрисовки отношеній къ намъ китайскихъ властей, отношеній, видимо внушенныхъ китайцамъ извнѣ.

Съ 23-го мая по 1-е іюня цзиневскими войсками произведены слѣдующія, болѣе выдающіяся безобразія и насилія надъ русско-подданными: восемь разъ обрывали проволоку военного телеграфа и наконецъ украли таковую съ изоляторами съ 43 пролетовъ. Обрыванія всегда происходили противъ импановъ. Для охраны телеграфа поставленъ никетъ. Въ сотника Ерковского, проѣзжавшаго съ женой чрезъ Суйдунъ, китайцы бросили камнемъ, но попали въ фордекъ экипажа, едва не задѣвъ жены Ерковского. 47 киргизовъ байджигитовъ и кызаевъ, ѣхавшихъ въ Кульджу для сдачи податей и на съѣздъ, были задержаны китайцами у Талкинскаго ущелья, обобраны и связанными отправлены въ Чинчаходзи, гдѣ ихъ подвѣшивали и пытали; изъ 47 человекъ 45 освободили, а двоихъ оставили въ Чинчаходзи подъ угрозою, что если байджигиты чрезъ 8 дней (это было 27 мая) не отдадутъ 15 лошадей, пропавшихъ будто бы у китайцевъ три года тому назадъ и находящихся у байджигитовъ, то двое задержанныхъ и много наговорившихъ подъ пытками будутъ убиты. Въ Такіяиза задержаны 19 торговцевъ-таранчей и отправлены въ Джинхо, гдѣ, по частнымъ письмамъ, они закованы и посажены въ тюрьму. Товары этихъ таранчей, стоимостью до 10 ямбъ (ямба=130 р.) остались безъ всякаго надзора на Бараталѣ. Обо всемъ сообщено кульджинскому консулу. Но такъ какъ китайскіе начальники не обращали никакого вниманія на его требованія, то консулъ довелъ о насиліяхъ и убійствахъ, произведенныхъ китайскими солдатами, до свѣдѣнія азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ. На дняхъ Цзинь получилъ телеграмму отъ маркиза Цзенга изъ Парижа съ совѣтами принять мѣры противъ убійствъ и разбойничествъ его войскъ, а также исполнять просьбы и требованія нашего консула и вообще постараться дружить съ русскимъ пограничнымъ начальствомъ.

Съ 1-го іюня убійства и грабежи нѣсколько и даже значительно прекратились, изъ чего мы въ правѣ заключить, что илійскій Цзинь и прежде, какъ теперь, имѣлъ возможность прекратить ихъ, и что бездѣйствіе его въ этомъ отношеніи, до полученія совѣтовъ свыше, еще болѣе заставляеть вѣрить въ справедливость слуховъ объ обѣщанномъ войскамъ его грабежѣ.

НА ОТКРЫТІЕ СИБИРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА *).

26 августа 1880 года.

Когда о битвѣ я прослушаю кровавой,
Покрывшей славою соотчичей моихъ,
Не радъ я торжеству и не горжуся славою,—
Мнѣ больно слушать вѣсть побѣдную о нихъ.

*) Стихотвореніе это было написано въ Сибири, по случаю закладки университета, но не успѣло появиться въ свѣтъ.

За мигомъ торжества, за славой быстротечной,
Мнѣ чудится, идутъ потоки горькихъ слезъ,
Проклятыя, воплей звукъ—звукъ долгій, безконечный
И рай разрушенныхъ мечтаній, думъ и грѣзъ.
Минутъ торжества не искупить ни гора,
Ни тѣхъ потоковъ слезъ до дна не осушить:
Ихъ ширь и глубина поспорятъ съ бездною моря,
Они, какъ океанъ, вѣками будутъ жить.
И сердце у меня стучится въ грудь тревожно
При вѣсти, каждый разъ, о торжествѣ такомъ...
Мнѣ хочется сказать: «Друзья! вполне возможно
Избѣгнуть намъ его,—вѣдь счастья нѣту въ немъ.
Не сдѣласть оно грядущихъ поколѣній
Ни лучше, ни умнѣй: все созданное имъ,
Не потревоживъ мысль, не разрѣшивъ сомнѣній,
Безслѣдно промелькнетъ, какъ метеоръ, какъ дымъ».

* * *

Но если говорятъ про торжество науки,
Про мира торжество, созрѣвшее въ тиши,—
Какъ радостно тогда, какъ сладко эти звуки
Тревожатъ, шевелятъ покой моей души!
О, я горжусь въ тотъ мигъ! и дорогѣ мнѣ слава,
И любо торжество соотчичей моихъ,—
И мысль моя тогда могуче, величаво
Уносится впередъ, и крѣпнетъ слабый стихъ.
Мнѣ видится вдали, какъ правнуки и внуки
Насъ громко прославляютъ, изъ рода въ родъ, начнутъ
За то, что создали мы храмъ для нихъ науки,
Гдѣ мысли яркій свѣтъ они приобрѣтутъ.
И смѣло я готовъ сказать предъ цѣлымъ свѣтомъ:
«Рѣкѣ временъ не смѣть такого торжества—
И въ годовщины дни всегда его, съ привѣтомъ,
Добромъ помянуть всѣ, покуда мысль жива».

* * *

И вотъ, сегодня вновь, далѣко за Ураломъ,
Свершается у насъ такое торжество.
Восторгъ мой безъ границъ!.. Я съ поднятымъ забраломъ
Отъ всей души спѣшу привѣтствовать его.
Я не боюсь сказать, что новой жизни эра
Сегодня облекла страну снѣговъ и льдовъ:
Все обновится въ ней—и мысль, и въ правду вѣра,
И къ ближнему любовь, и трудъ ея сыновъ.
И, обновленная, набравшись свѣжей силы,
Пойдетъ она впередъ, чтобъ жить и процвѣтатъ;
Ужъ больше ей не слыть подобіемъ могилы,
Страной позорною и страшною какъ тать...
И если самъ Ермакъ изъ водъ Иртышскихъ всталъ-бы
Отечески взглянуть, какъ дѣтище живетъ,—
Онъ дѣтище свое навѣрно не узналъ-бы,
Узрѣвъ не дикарей, а мыслящій народъ!

Константинъ Никифоровъ.

СИБИРЬ

НА МОСКОВСКОЙ ВЫСТАВКѢ.

(Письма изъ Москвы).

III.

Вывавшись изъ объятій Кондрата, предложившаго мнѣ пропить всю сибирскую промышленность, и убѣдивъ его подождать немного (я старался дѣйствовать на него словами одного героя Островскаго: «Дадимъ мы отдыхъ этому вину, все мы его жремъ!» Я зналъ что Кондратъ антропоморфистъ) и закусивъ наскоро у г. Лопашева, гдѣ ожесточенная публика старалась съ негодованіемъ и бранью истребить что можно изъ припасовъ монополиста-ресторатора, я поспѣшилъ въ кустарный отдѣлъ (группа XII), чтобы отыскать здѣсь «варежки» старика Михѣича изъ Ялуторовска, которому я далъ слово.

Да, думалось мнѣ, наше дѣло пока даже не заводское, а кустарное. Это эмбрионъ обрабатывающей промышленности, какъ и вся наша жизнь эмбрионъ. Я знаю, что зародыши ея существуютъ повсемѣстно. Кустарное производство—это крестьянская потребность, мужичья фабрика, а у насъ по преимуществу на Востокѣ царство крестьянское, а не барское. Мужикъ часто и самъ фабрикантъ для себя, простой, первобытный, но никому необязывающійся. Наша ремесленность уже зародилась, ея прогрессъ сдѣлалъ въ 20-хъ годахъ Словцовъ въ своемъ историческомъ описаніи.

Когда нибудь при обилии мѣстнаго сырья эта промышленность сдѣлаетъ успѣхи, если Господь осѣнитъ моихъ земляковъ мудростью. У насъ нѣтъ крупныхъ заводовъ и можно сказать, что вся заводская промышленность наша кустарна. Мы бѣдны, но за то у насъ еще не создано крупной эксплуатаціи и промышленнаго рабства труда, и это можетъ быть пока наша выгода. Теперь борются два экономическихъ принципа. Цивилизація извѣдала горькіе плоды крупной заводской промышленности и съ вѣрою обращается къ кустарной. Здѣсь она видитъ осуществленіе лучшаго принципа заводскаго товарищества и завѣщаетъ лелѣять эту промышленность, развивать ее. Мы стоимъ на распутьи, въ нашихъ рукахъ выбрать ту или другую дорогу. Давайте же, земляки, во имя лучшаго будущаго поощрять нашу кустарную промышленность. Составимъ общество изъ просвѣщенныхъ людей для поощренія кустаря, заведемъ свои выставки, преміи, будемъ привлекать кустарей-переселенцевъ, заведемъ ссуды. Сколько бы здѣсь дѣла нашлось. Эхъ, земляки, земляки сибирячки! Если-бы у васъ только энергія!..

Съ этими мыслями я прошелъ мимо щегольскаго павильона для произведеній московской кустарной промышленности, лучшей на выставкѣ; остальнымъ областямъ было отведено скромное мѣсто въ центральномъ зданіи, а именно группа XII класса по плану А. Она занимала пролетъ между Финляндіей и Кавказско-Туркестанскимъ отдѣломъ, уступая имъ въ разнообразіи и блескѣ экспонатовъ. Группа эта со всей Россіи такъ была мала, что занимала помѣщеніе ровно столько же, сколько сосѣдній «ватерклозетъ». Но во всемъ центральномъ зданіи этимъ «принадлежностямъ» отведено было въ 4 раза болѣе мѣста, чѣмъ кустарному всероссійскому отдѣлу. (Желающіе могутъ убѣдиться на планѣ выставки сравнивъ отдѣлъ А съ 4 Б...). Такова судьба областей на централистской выставкѣ! Проходя

по пролету, я встрѣтилъ не столько отдѣлы губерній, сколько жалкіе шкафики и витрины, на которыхъ были надписи: Вятская, Воронежская, Архангельская губ., издѣлія Кавказа (зачѣмъ они попали сюда, когда группа кавказская отдѣльно?). Губерніи были географически перемѣшаны, и я не зналъ, гдѣ найду своихъ. Внезапно останавливаюсь предъ витриной, гдѣ вижу ярлыкъ «Западная Сибирь». Сердце ёкнуло. Но я тотчасъ же почувствовалъ смущеніе, краска стыда покрыла лицо мое. За витриной красовалось «сукно изъ черной шерсти» и рядомъ каракулями «меснаго производства»! (Господи! Господи! На выставку ѣхали, а писаря грамотнаго не нашли... Кондратъ! Кондратъ, что-же это за позоръ!) Я оглянулся даже, не подсматриваетъ-ли за мною какой-нибудь столичный репортеръ и не подсмѣивается ли надъ моими симпатіями. Оставалось поправить шляпу, стянуть свѣтлую лайковую перчатку на рукѣ и, презрительно взглянувъ на витрину, пройти далѣе, подобно постороннему зрителю. Да, я отрекся, отрекся, какъ Петръ, отъ тебя, сукно «меснаго производства». А между тѣмъ я этого сукна искалъ, я можетъ быть имъ бы гордился и сшилъ изъ него себѣ грубый камзолъ подобно Франклину, который предпочелъ его бархату окружающихъ герцоговъ. Этотъ великій человѣкъ угадывалъ, что средневѣковой венеціанскій бархатъ скоро потеряетъ свою цѣну и его «месное производство», выродится въ Нью-Йоркскій драпъ. Впрочемъ, не хотѣли-ли наши соотечественники скаламбурить и объявить, что у нихъ есть только «мясное производство»? Насмѣшливость—наша областная особенность. Далѣе, затѣмъ я также случайно наткнулся на висящіе волосяные сапоги «тары», это былъ единственный экспонатъ Иркутской губерніи идинскаго инородческаго вѣдомства: тутъ ужъ оставалось просто закрыть лицо. «Тары» эти висѣли чуть-ли не въ Гродненской губерніи. Вѣдь для процвѣтанія Иркутска и генераль-губернаторство оставили, и губернія эта, по словамъ засѣдателей, процвѣтаетъ, а вотъ поди-же, кромѣ пары вязаныхъ сапогъ ничего не произвела. Ну, какъ изъ этого заключать совершенно обратное. А можетъ быть «месныя-то произведенія» лежать да лежать у Киренскихъ и Верхнеудинскихъ исправниковъ въ сундукахъ!

Енисейская губернія по каталогу прислала одинъ «кабаргажій (?) мѣхъ» и «дженмовую» (?) кожу. Представилъ г. Панютичъ, но гдѣ они, такъ и не нашелъ. Вообще, сибирскія произведенія были пораспиханы въ разныя витрины и смѣшивались часто съ вятскими, вологодскими и друг. экспонатами. Къ довершенію отчаянія, на всѣхъ западно-сибирскихъ ярлыкахъ №№ были выставлены невѣрные. Точно сдѣлали это нарочно, чтобы спутать и закружить простодушнаго сибиряка. Смотримъ, на примѣръ, сапоги изъ Томской губерніи, ну-ко, кому они принадлежатъ, а подъ № 7 по каталогу означено «пальто черной дубки» Нефеда Ядрышникова. Что-же это такое? Оказывается, ни сапогъ не узнаешь, ни полушубка не найдешь. Бросаю поиски за сапогами и полушубкомъ. Вижу «бахилы» (мѣстныя сапожищи), смотрю по каталогу, а подъ этимъ № означены не сапоги а «полотенце изъ льнянаго холста» Марьи Базановой. «Лунты» обозначены подъ № 366, а такого № и въ каталогѣ нѣтъ. Полосатая опояска Васса Золотавина наименована ковромъ. Тюменскіе ковры стоятъ подъ № 96, а на самомъ дѣлѣ въ каталогѣ это № 64. Наконецъ, всѣ вещи перемѣшаны, какъ въ старомъ чуланѣ, и на полушубкахъ черной дубки виситъ зачѣмъ-то остяцкій лебедь—музыкальный инструментъ. Подъ ними игрушечная телѣжка изъ Тюмени № 90, вся въ грязи,

чно ее везли сухимъ путемъ. Замѣтите, что всѣ эти экспонаты въ числѣ 109 предметовъ, были собраны посланы «Тюменскимъ вспомогательнымъ комитетомъ». Здѣсь было не мало любопытныхъ вещей, онѣ собирались о волостяхъ, отъ ремесленниковъ, которые ждуть, что ихъ на выставкѣ оцѣнить и замѣтить. Что же это за небрежность московскаго выставочнаго комитета и чѣмъ ее объяснить!

Въ одной сибирской витринѣ я нашелъ деревянное луто изъ Ялуторовка и шкатулки изъ Тобольска Яковлевскаго и Семенова, и тутъ же лежалъ ковшъ для кумыса изъ Акмолинской области, саптаякъ киргизскій, трубка изъ мамонтовой кости изъ Березова, киргизское сѣдло, и рядомъ вышивныя подушки, башмачки подъ часы и разныя рукодѣлья николаевскаго женскаго монастыря, близъ Тобольска. Здѣсь смѣшаны и киргизская культура и русская промышленность, киргизскіе ковши и монашескіе подушечки; наконецъ, надъ всѣмъ этимъ въ каталогѣ красуется надпись «издѣлія изъ дерева, коры, кожи и рога Березовскаго округа». То-есть Тобольскъ, Ялуторовскъ и Акмола, всё это оказалось въ Березовскомъ округѣ! Поздравляемъ! Такова географическая мистификація москвичей. Можно себѣ представить, какое понятіе составятъ себѣ на выставкѣ русскіе люди о Сибири! И не въ первый разъ!

Скажутъ въ оправданіе: намъ не до вашей Сибири, мы и съ своимъ разобратся не можемъ!

— А если не можете разобратся, зачѣмъ же вы беретесь, господа, за все! настала и моя очередь сказать нашимъ централистамъ.

Но Боже мой! Гдѣ же варежки дѣдушки Михѣя, вѣдь такъ я и не нашелъ ихъ. Что я ему скажу?..

За то нѣкоторую отраду я почувствовалъ, увидя ялуторовскіе пояса изъ шерсти. Тутъ была опояска и Емельяна Макшина, вишневаго цвѣта, опояска голубая съ бѣлыми краями, опояска съ красными краями и надписями Варнавы Черемисинова. Это были надписи крестьянскаго изобрѣтенія. На одной я съ трудомъ прочиталъ: «Светокъ Светошный». На другой: «Не помню свое рожденіе и не слышу какъ расту». Что это за надпись? признаться я бы ее легко принялъ и подумалъ, что это девизъ моего отечества. Но я нашелъ нѣчто болѣе выражающее наше положеніе. Семень Барановъ изъ Ялуторовска прислалъ поясъ съ слѣдующей надписью: «сей поясъ *дозволяется* носить крестьянину Семену Баранову».

Вамъ можетъ показаться страннымъ эта надпись, но я ее понимаю. Мѣстное населеніе здѣсь выразило идею своей жизни. Въ Европейской Россіи никто не увидитъ чашки, на которой было бы написано: «изъ сей чашки чай пить *дозволяется*», даже вопроса такого нѣтъ. Но въ Сибири не знаютъ извѣстнаго юридическаго афоризма, «что не запрещено, то дозволено». Сибирскій обыватель, наученный жизнью, вѣчно колеблется между вопросами «дозволено или недозволено». Пробовалъ онъ дѣйствовать по усмотрѣнію, но натѣкался всегда на препятствія. Трубку ли закурить, рюмку ли водки поднесетъ къ губамъ, кажись чего такого, но вдругъ появляется какъ изъ земли засѣдатель и спрашиваетъ грозно: «а тебѣ это дозволено?» Эти вопросы такъ часто озадачивали обывателя, что онъ потерялъ всякое представленіе о томъ, что дозволено и что нѣтъ; и когда онъ убѣждался, что ему ничего не будетъ за то, что онъ можетъ подвязать безпрепятственно опояскою собственныя свои шаровары, онъ съ веселіемъ восклицалъ: «сей поясъ Семену Баранову носить дозво-

ляется». Сибирякъ знаетъ горькимъ опытомъ одно, «что для Россіи законъ, то для Сибири усмотрѣніе», второе, «что въ Европейской Россіи сплошь и рядомъ дозволено, въ Сибири запрещено». Доказательствъ множество: только въ Сибири нельзя говорить о 300-лѣтіи Сибири, только въ Сибири нельзя произнести, что земство въ хозяйствѣ лучше засѣдателя, въ Россіи можно сказать, что восточно-сибирское генераль-губернаторство лишнее и причиняетъ только расходы, а въ Восточной Сибири нельзя. Мало того, въ Сибири нельзя перепечатать многое, что напечатано уже во всѣхъ газетахъ (см. Исторію Иркутской прессы).

О, когда же, когда, Семень Барановъ, ты выткешь для меня опояску съ надписью: «сему писакѣ все писать *дозволяется*!»

Я рѣшительно унывалъ. Неужели и наши экспонаты и наша промышленность подлежатъ этой же судьбѣ. Я стоялъ у конца кустарнаго отдѣла; полушубки, скатерти, обрывки и обрѣзки мелькали въ глазахъ. Это было наше убожество, наше барахло! А кругомъ сверкали витрины полныя изящества, красоты и искусства. Я рѣшился отыскать Кондрата и добиться у него объясненія, что все это значитъ. Пусть онъ передастъ свою исповѣдь! Надо его только сначала завести въ павильонъ фруктовыхъ водъ Ланина и немного вытрезвить.

Сибирскій репортеръ.

КУЛЬДЖА

НАКАНУНЪ СДАЧИ.

На берегу быстрого арыка *), въ тѣни пирамидальныхъ тополей и карагачей **), изъ которыхъ нѣкоторые, привитые, своей темной зеленью напоминаютъ кипарисы, лѣпятся глинобитныя стѣны домовъ и оградъ съ воротами, кое-гдѣ имѣющими китайскую архитектуру. По бокамъ ихъ, на стѣнахъ изъ глины искусно вытѣснены крупныя изображенія ящерицъ и цвѣтовъ. Внутри видны небольшіе дворики съ навѣсами изъ виноградной лозы и съ клумбами густо растущихъ разноцвѣтныхъ астръ и балзаминовъ. Слышенъ шумъ и гамъ дѣтскихъ голосовъ, звуки какого-то восточнаго нарѣчія, и вотъ толпа дѣтей разнаго возраста выбѣгаетъ къ ручью и несется съ визгомъ и смѣхомъ по берегу, составляющему вмѣстѣ съ сямъ и улицу. Они не обращаютъ вниманія на проѣзжающихъ мимо верховыхъ, не боятся попасть подъ тяжелыя двухколесныя арбы, нагруженныя глыбами каменнаго угля и снопами свѣжаго клевера, глядятъ смѣло бойкими черными глазками и, увидѣвъ русскаго офицера, кричатъ «здрасту», прикладывая руку ко лбу, по военному. Дѣвочки и мальчики вмѣстѣ. Лица большинства изъ нихъ привлекательны и правильны, движенія граціозны. Дѣвочки одѣты въ длинныя съ широкими рукавами блузы, довольно яркиихъ цвѣтовъ: алаго, свѣтлозеленаго, апельсиннаго, или изъ пестрой восточной полупелюшковой матеріи бухарскаго рисунка. На головахъ весьма изящныя шапочки цилиндрической формы, на которыхъ парчевая полоса блеститъ узоромъ на подобіе галуна, а коническая верхушка отдѣ-

*) Искусственно проведенный ручей, въ Средней Азій.

***) Родъ вяза.

лана складками красивой матеріи или полосатой ленты; каждая шапочка имѣетъ разный узоръ. Изъ-подъ нихъ выглядываютъ кругомъ лба заткнутые ярко-желтые цвѣты и астры, а назади висятъ двѣ косы, оканчивающіяся черными шелковыми кистями. На рукахъ у нѣкоторыхъ серебряные браслеты.—Мальчики въ однихъ бѣлыхъ рубашкахъ и широкихъ до колѣнъ шароварахъ, съ синими или зелеными кушаками изъ куска бумажной матеріи, или въ однихъ шароварахъ, безъ рубахъ, а малыши отъ 2-хъ до 7—8 лѣтъ совершенно голые. Всѣ они съ бритыми круглыми головками, покрытыми у немногихъ плотно прилегающими татарскими колпачками; у нѣкоторыхъ оставлена косичка, иногда и двѣ, смѣшно торчащія съ боку головы. Темно-коричневое тѣло ихъ жжетъ знойное солнце, къ которому они привыкли и котораго нисколько не стыдятся въ своей наготѣ;—въ манерѣ и взглядѣ ихъ столько невинной прелести и простоты.

Голенькіе мальчуганы немедленно прыгаютъ въ быстрый арыкъ; вода, неособенно чистая, имъ по пояса, малышамъ по-плечи. Тамъ поднимается невообразимый крикъ потревоженныхъ гусей и утокъ, которыхъ не видно было за кустами красныхъ и бѣлыхъ полевыхъ мальвъ, лиловой дикой мяты и высокой пахучей полыни, въ изобиліи растущей вездѣ гдѣ вода.

Плесканью, играмъ и смѣху нѣтъ конца. Устраиваются мостики изъ прутьевъ, полощется въ видѣ игры бѣлье. Сидящіе на берегу на корточкахъ помогаютъ и принимаютъ участіе въ забавахъ. Спускаютъ на воду половину дыни, внутренность которой только-что ими съедена, и на которую накидываются прожорливыя утки, ища въ ней сѣмячекъ; дѣвочки бросаютъ въ воду цвѣты, уносимые быстрымъ потокомъ. Особенно интересны 3—4-лѣтніе карапузики, съ кожей шоколаднаго оттѣнка, съ большими бархатными черными глазами, серьезно треплющіе по водѣ свои короткіе мокрые штанишки, воображая что моютъ ихъ.

Въ воду вѣзжаетъ на ослѣ подростокъ лѣтъ 12-ти, напоить длинноухаго; но это лишь предлогъ: ему ужасно хочется принять участіе въ рѣзвой компаніи—по крайней мѣрѣ поболтать. Дѣти изъ воды лѣзутъ на ишака *), и теребятъ его за уши. Невозмутимый осель, напившись, поднимаетъ мокрую морду и начинаетъ неистово кричать, рѣзкимъ, своеобразнымъ ослинымъ крикомъ, хорошо знакомымъ всѣмъ бывавшимъ на Востокѣ. Хохотъ усиливается. Замѣчательно, что въ играхъ и въ обращеніи этихъ дѣтей между собою никогда не видно ссоры, драки и вообще недружелюбія, развѣ поборются два мальчугана, стараясь осилить другъ друга—попробуютъ силу; но безъ подножекъ, подмиктокъ и другихъ ухищреній, употребляемыхъ часто нашими ребятами, чтобы одолѣть противника.

У берега останавливается китайская двухколесная каретка (крытая арба), обтянутая синей бумажной матеріей, съ двумя отверстіями (окнами) по бокамъ, запряженная въ оглобли муломъ, обвѣшаннымъ кистями. Надъ нимъ изъ той же синей матеріи навѣсъ отъ солнца. Спереди этотъ фургончикъ открытъ и внутри видно 5—6 дѣтей, не выше 10-лѣтняго возраста; всѣ одѣты чисто и даже нарядно; на облучкѣ за кучера мальчикъ лѣтъ 12-ти.—Что за приволье здѣсь ребятамъ! точно какое-то волшебное дѣтское царство, и кромѣ дѣтей нѣтъ никого.—Но вотъ къ арыку подошелъ старикъ въ большой бѣлой чалмѣ; у него на рукахъ ребенокъ, котораго онъ нѣжно нян-

чить, что-то ласково приговаривая, а 3-хъ-лѣтній мальчуганъ, держась одной рученкой за старческую темно-коричневую шею, сосетъ крупныя янтарныя ягоды сочнаго винограда съ цѣлой кисти, захваченной имъ въ свой кулачокъ. Дѣтей все прибывало, на улицѣ устраивалась игра въ лошадки съ участіемъ дѣвочекъ, а въ углу ярко-освѣщеннаго двора разставлялись небольшія бабки—видно бараньи. Солнце садилось. Дальнія высокія горы уже подернулись синевой и длинный рядъ ихъ холодныхъ снѣжныхъ вершинъ рѣзко бѣлѣетъ на бирюзовомъ небѣ. На западѣ разгорался пурпуръ вечерней зари и отражался на противоположныхъ вершинахъ другаго горнаго хребта розовымъ отблескомъ, съ переходомъ въ нѣжно-лиловый, напоминающій игру перламутра.

Къ арыку все чаще стали подъѣзжать для водопоя верховые люди въ халатахъ и чалмахъ; у многихъ впереди на сѣдлахъ сидѣли дѣти:—мальчики или дѣвочки, съ кускомъ дыни или съ яблокомъ въ рукѣ. Появлялись и киргизы въ мѣховыхъ шапкахъ, несмотря на 40-градусную жару; китайцы въ бѣлыхъ и синихъ блузахъ съ своими длинными, лоснящимися отъ клейкаго масла черными косами, въ черныхъ шапочкахъ, и дунгане, отличающіеся отъ китайцевъ по костюму только отсутствіемъ косы, съ своими мускулистыми толстыми шеями и острымъ типомъ лица *).

Мусульмане, умывъ тутъ же руки и лицо, обратясь на западъ, дѣлали намазъ, т.-е. молились набожно, становясь на колѣни и склоняясь до земли, пачкали пылью свои мокрые лбы и носы. Подростки подражали старикамъ и строгимъ переходомъ отъ рѣзвости къ серьезному благоговѣнію молитвы могли бы пристыдить не только юношу, но и взрослога христіанина, стыдящагося публично осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ...

Дѣвочки быстро скрылись во дворахъ сосѣднихъ домовъ; игра въ бабки, только-что разгорѣвшаяся на одной площадкѣ, была прервана, и владельцы бараньихъ бабокъ живо разобрали ихъ по карманамъ. Тутъ были и бѣлокурые русскіе мальчуганы, дружелюбно играющіе съ маленькими смуглыми азіатами.

У воротъ появились женщины-матери, съ открытыми лицами, большею частью правильными, въ такихъ же головныхъ уборахъ и халатахъ какъ и у дѣвочекъ, съ длинными черными косами; у нѣкоторыхъ изъ-подъ шапочекъ ниспадаетъ на спину легкое кисейное покрывало **); онѣ сзывали голыхъ и полуголыхъ итенцовъ, которые уже вылѣзли изъ воды и бѣгали, ежеминутно подвергаясь опасности попасть подъ ноги лошадей и верблюдовъ или подъ колеса арбы, а особенно мѣстныхъ извозчиковъ на ливнейкахъ (долгушахъ), мчавшихъ во всю прыть кого-нибудь изъ офицеровъ.

Въ обращеніи ихъ съ дѣтьми не слышалось ни рѣзкихъ словъ, ни звуковъ шлепанья подъ приподнятой рубашенкой, несмотря на то, что много востроглазаго приходилось долго ловить между лошадыми, ослиами и возами привезеннаго съ полей клевера, какъ цыпленка, давшагося въ руки.

Хорошо здѣсь живется дѣтямъ! фрукты почти даромъ, и какіе персики! ихъ дѣти особенно любятъ. Дыни раз-

*) Дунгане мусульманскаго вѣроисповѣданія, во время походовъ Чингизъ-хана и Тимура въ Китай остались тамъ, женились на китайкахъ, но сохранили свою національность. Слово дунганъ значитъ «оставшіяся».

**) Женщины-мусульманки только въ Капгаріи и западномъ Китаѣ оставляютъ лица открытыми, не закутывая ихъ безобразными чадрами, какъ вообще на Востокѣ.

*) Мѣстное названіе осла.

ныхъ сортовъ ѣдятъ даже телята. Арбузь—не поднять и парню. Виноградъ лежитъ грудями на столахъ разнощикоу или въ корзинахъ, и по немъ едва ползаютъ опьянѣвшія отъ соку золотыя пчелы.—Каждая кисть фунта три вѣсу.

Но виноградъ и дома у нихъ виситъ тяжелыми гроздьями подѣ оплетенными лозой навѣсами во дворахъ и садахъ, золотясь на солнцѣ зеленоватыми и блѣднорозовыми плодами. Ёшь—не хочу... Дѣти не знаютъ еще здѣсь ни дифтерита, ни скарлатины, ни холеры... Но гдѣ же это здѣсь? гдѣ эта обѣтованная земля для дѣтей? Это уголокъ Кульджи *), а описанныя дѣти—молодое поколение таранчей.

Дѣтямъ здѣсь пока приволье: свобода играть, купаться, ѣздить верхомъ на ослахъ и лошадахъ; но они, какъ и дѣти всѣхъ странъ, не чувствуютъ грядущаго горя, ни того, что сердца матерей ихъ разрываются отъ печали, а отцы серьезно и сосредоточенно озабочены. Надо бросать свой домъ, свой садъ, свои поля,—все къ чему привыкло сердце, бросить родину, и родныя могилы... Дѣло въ томъ, что большинство населенія Кульджи мусульмане, такъ называемые таранчи (что по-китайски значитъ земледѣльцы).

Около 200-тъ лѣтъ назадъ, китайцы выселили ихъ сюда изъ Кашгаріи, какъ хорошихъ хлѣбопашцевъ. При отпадении отъ Китая всѣхъ западныхъ провинцій, во время серьезнаго возстанія въ этихъ странахъ, здѣсь было вырѣзано мусульманами (преимущественно дунганями) до полумилліона китайцевъ за невыносимый гнетъ и жестокость китайскихъ властей.

Въ это время (1870 г.) Кульджа и была занята нашими войсками, и таранчи оказались смирнымъ трудолюбивымъ народомъ, быстро усвоившимъ русское вліяніе и серьезно намъ преданнымъ. Теперь, при переходѣ Кульджи снова подѣ власть китайцевъ, таранчинскому и дунганскому населенію придется или погибнуть рано или поздно отъ мести китайцевъ, несмотря ни на какіе договоры, которые бессильны удержать грубыхъ и своевольныхъ китайскихъ солдатъ при первомъ поводѣ къ ссорѣ — а это неизбежно при взаимной племенной ненависти; — или переселиться въ наши предѣлы Семирѣченской области. Право на это дано имъ недавнимъ договоромъ съ Китаемъ.

Они выбрали и рѣшились на переселеніе, и теперь таранчинскія и дунганскія дѣти доживаютъ въ Кульджѣ послѣдніе дни... а сколько ихъ ляжетъ въ землю на новыхъ мѣстахъ отъ новыхъ климатическихъ условій и безкормицы, неизбежной при переселеніи цѣлаго народа, — около 60 тысячъ душъ, и другихъ случайностей?.. Теперь же они беззаботно играютъ на могильныхъ насыпяхъ убитыхъ китайцевъ и своихъ отцовъ, которыми окружена вся Кульджа, съ рѣдкими между ними полуразрушенными куполообразными мазарами (магометанскими часовнями). Глядя на нихъ, невольно вспомнишь слова поэта

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
А равнодушная природа
Красою вѣчною сіять...

Страшно подумать сколько здѣсь пролито крови!.. Въ окрестностяхъ Кульджи лежатъ развалины бывшихъ громадныхъ городовъ съ 40 — 60-тысячнымъ населеніемъ. Таковы: Баяндай и Старая Манчжурская Кульджа, раз-

*) Кульджа по-монгольски—значитъ мараль (горный олень); китайцы зовутъ ее Или, по имени рѣки.

валины которой раскинуты по берегу Или на 5 верстѣ. Между ними сохранились лучше другихъ стѣны русской факторіи и русской церкви, остатки двухъ башенъ изъ прекраснаго квадратнаго жженого кирпича, звонкаго какъ стекло; карнизы съ барельефами отъ кумирни,—и два каменныхъ звѣря, украшавшіе вѣздъ во дворецъ цзянь-цзюня, который, подобно Сарданпалу, послѣ пира взорвалъ себя на воздухъ пепломъ изъ трубки, когда въ цитадель, окруженную толстой стѣной съ бойницами и очень похожую на Кремль,—вломилась дунгане.—Сколько тутъ зарыто труповъ зарѣзанныхъ женщинъ и дѣтей!.. Кровью пропитанную почву напоминаютъ даже здѣшнія яблоки, мякоть которыхъ розовая, какъ апельсины-корольки, точно пропитана алой кровью...

При поголовномъ выселеніи изъ Кульджи и окрестныхъ таранчинскихъ кишлаковъ и кентовъ (селеній), китайцы будутъ вынуждены снова населять край или кашгарцами или китайцами изъ своихъ внутреннихъ провинцій. Какая участь ждетъ Кульджу въ будущемъ, покажетъ, разумѣется, время; но рано или поздно она безъ сомнѣнія послужитъ яблокомъ раздора.

Какъ сподрученъ этотъ край для насъ по смежности его съ Семирѣченской областью и хлѣбному богатству *), котораго хватило бы въ случаѣ нужды на весь Туркестанъ, такъ неудобенъ онъ для китайцевъ, будучи отдаленъ отъ центральнаго Китая громадной голодной степью, при враждебномъ населеніи сосѣднихъ съ Кульджей мѣстностей.

Китайцы навязали себѣ немало хлопотъ и заботъ, удовлетворяя только своему тщеславію, обратной уступкой имъ этого уголка, гдѣ русское вліяніе и культура пустили уже глубокіе корни.

Впереди что еще будетъ, а пока таранчинскія дѣти беззаботно играютъ въ бабки вмѣстѣ съ русскими дѣтьми.

А. Сумароковъ.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Король Кореи, только что подписавшій договоръ о свободной торговлѣ съ иностранными государствами, вызвалъ озлобленіе противъ себя корейской національной партіи. Партія эта, признавъ въ подписи договора о свободной торговлѣ нарушеніе вѣковыхъ традицій страны, умертвила короля и королеву.

На японское посольство произведено нападеніе. Нѣсколько военныхъ японскихъ судовъ послано, вслѣдствіе этого, въ рѣку Сеуль.

— Военныя дѣйствія въ Египтѣ продолжаются. 7-го августа произошло сраженіе у канала Махмудійэ; подробности этой битвы еще неизвѣстны. Кромѣ того, египетскія войска сдѣлали нападеніе на англичанъ въ ночь на 7-е августа у Мэкса, но были отбиты. Изъ Александріи отплыла английская эскадра, въ полной боевой готовности, къ Абукиру съ цѣлю бомбардировать эту крѣпость и занять Измаилію. Этимъ движеніемъ англичане рассчитываютъ открыть себѣ удобный путь для движенія на Каиръ одновременно съ англо-

*) Пшеничная мука стоитъ даже теперь, при уменьшенныхъ посявахъ, 35 к. пудъ.

индійскими войсками, высадившимися въ Суэзѣ. Если этотъ маневръ имъ удастся, то Араби-паша будетъ отрѣзанъ отъ египетской столицы. Братья хедива Гуссейнъ и Гассанъ предложили ему свои боевыя услуги, на что Тевфикъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ арміи, что вся власть въ рукахъ англичанъ, которымъ онъ и предоставляетъ принять ихъ предложеніе. Третій братъ Тевфика, Ибрагимъ, обратился прямо къ английскому правительству, но хедивъ протестовалъ противъ принятія его въ ряды англійскаго войска. Приглашенный хедивомъ, Ріазъ-паша прибылъ изъ Женевы въ Александрію. Онъ разсчитываетъ войти въ составъ сильнаго министерства, которое будетъ одобрено Европою. Хедивъ желаетъ сгруппировать около себя консервативное министерство.

— Телеграммы извѣстили, что Суэзскій каналъ закрыть англичанами. Лессепсъ протестовалъ противъ этого закрытія.

— Новое французское министерство по характеру своему представляетъ нѣчто среднее между пассивнымъ министерствомъ Фрейсина и лихорадочною партіею Гамбеты. Дюклеркъ высказался, что въ дѣлѣ восточнаго вопроса онъ не намѣренъ идти рутинальнымъ путемъ, и что программа его дѣйствій сложилась и скоро будетъ обнаружена. Какъ-бы въ связи съ этимъ извѣстіемъ французская печать начинаетъ толковать о томъ, будто Франція, въ отвѣтъ на оккупацию англичанами Египта, займетъ своими войсками Сирію, въ виду охраненія интересовъ проживающихъ тамъ европейцевъ. Шансомъ на успѣхъ въ этой оккупации французы представляютъ возбужденіе сирійскаго населенія противъ владычества Турціи. Маркизь де-Ноайль, уполномоченный Франціи, объявилъ на конференціи, что правительство его соглашается на итальянскій проектъ охраны Суэзскаго канала, подъ условіемъ, чтобы охрана эта не стѣсняла свободы торговли. Это было послѣднее слово принятія итальянскаго проекта, послѣ чего правительства великихъ державъ предписали командирамъ эскадръ или судовъ, находящихся въ каналѣ, согласиться между собою относительно мѣропріятій, необходимыхъ для выполненія рѣшенія конференціи.

— 4-го августа въ Парижѣ, въ церкви «Монсеау les mines» были беспорядки. Церковныя ворота взорваны динамитомъ. Угрожали также разрушить домъ священника. Арестованы 20 человекъ. Вслѣдствіе признанія одного изъ арестованныхъ, беспорядки возбуждены такъ называемою «черною шайкою». Въ рукахъ полиціи всѣ документы этого тайнаго общества и списки его членовъ. Предводитель Дамэ бѣжалъ; помощникъ его схваченъ. Дальнѣйшихъ беспорядковъ не было. Цѣли общества «черной шайки» и содержаніе захваченныхъ бумагъ пока неизвѣстны.

— 5 августа, въ засѣданіи англійской палаты общинъ президентъ прочелъ сообщеніе дублинскаго суда объ арестѣ Грея. Гладстонъ просилъ принять этотъ фактъ къ свѣдѣнію, такъ какъ за отсутствіемъ многихъ членовъ палаты назначеніе слѣдственной комиссіи невозможно. Послѣ преній, продолжавшихся пять часовъ, причемъ ирландскіе депутаты оспаривали рѣшеніе суда и требовали освобожденія Грея, засѣданіе было отложено до 9 часовъ. Но такъ какъ ирландскіе депутаты по возобновленіи засѣданія не явились, то вопросъ объ освобожденіи Грея остался нерѣшеннымъ. Засѣданія обѣихъ палатъ закрыты по 24-е октября. Аграрныя убійства въ Ирландіи продолжаются. 6-го августа въ Мѣллакдрумѣ, въ графствѣ Мойо, шайка, состоявшая изъ членовъ аграрной лиги, напала на одну семью, причемъ четверо членовъ семьи застрѣлены и двое ранены. Въ Дублинѣ состоялось открытіе статуи О'Коннеля. На этомъ торжествѣ лордъ-мэръ произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ, что ирландскій народъ не закончилъ еще своей борьбы, что нужно надѣяться на славное будущее, когда Ирландія снова станетъ націею; когда дублинскій лордъ-мэръ будетъ предсѣдательствовать при открытіи ирландской выставки, причемъ порядокъ нигдѣ не будетъ нарушенъ; войска собраны въ казармахъ; улицы украшены флагами, среди которыхъ блистаютъ отсутствіемъ англійскіе національные цвѣта. 4-го августа Парнеллю и Диллону вру-

чены дипломы на званіе почетныхъ гражданъ Дублина. На улицахъ Дублина появилось воззваніе за подписью лорда-мэра, Парнелля, Диллона и Дэвитта, приглашающее гражданъ перенести арестъ Грея съ чувствомъ собственнаго достоинства и воздержаться отъ нарушенія порядка.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— По сообщенію «Голоса», нѣкоторыя земства ходатайствуютъ объ освобожденіи ихъ школъ отъ правительственной инспекціи, что даетъ возможность земствамъ быть самими хозяевами своихъ школъ.

— Ходитъ слухъ, что въ высшемъ церковномъ управленіи возникъ вопросъ о прекращеніи выдачи нѣкоторымъ монастырямъ штатнаго содержанія.

— По словамъ «Новостей», существуетъ предположеніе ввести существенныя измѣненія въ организациі тюремнаго управленія. Предполагается дать большую самостоятельность смотрителямъ и начальникамъ тюремъ, и кромѣ того назначать большое число членовъ тюремнаго комитета по выборамъ отъ земства.

— Исправленіе московско-курской дороги на мѣстѣ катастрофы окончено, и 6-го августа открыто движеніе поѣздовъ, безъ остановокъ и пересадокъ.

— Двѣнадцатилѣтній сынъ г. Ланина, редактора-издателя «Русскаго Курьера» раненъ обломкомъ изразца въ голову какимъ-то неизвѣстнымъ скрывшимся башки-бузукомъ. «Новости», сообщая объ этомъ фактѣ, спрашиваютъ: что это: дикая фантазія пьянаго субъекта, или тоже протестъ противъ дѣятельности «Русскаго Курьера»? Ланинъ-отецъ еще не оправился.

— «Голосу» сообщаютъ, что чрезвычайное петербургское губернское земское собраніе состоится 26-го августа. Предметомъ занятій этого собранія послужитъ, кромѣ разсмотрѣнія доклада о пониженіи выкупныхъ платежей, также обсужденіе вопроса объ участіи земства Петербургской губерніи въ чествованіи коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

— Въ пяти уѣздахъ Вологодской губерніи, 20-го ноября 1882 года будутъ введены въ дѣйствіе мировыя судебныя установленія.

— 6 августа въ Петербургъ прибыли, проѣздомъ въ Америку, трое спасшихся изъ затертой льдами «Жанетты», Мельвилъ, Норосъ и Ниндеманъ. Проживающіе у насъ американцы встрѣтили пріѣзжихъ на дебаркадерѣ жел. дороги. Американскій посланникъ пригласилъ гостей на завтракъ — «по-американски», т.-е. всѣ блюда были холодныя, ѣли стоя. 10-го августа офицеры «Жанетты» выѣзжаютъ изъ Петербурга на Берлинъ и Парижъ.

— На дняхъ, въ Килѣ морской офицеръ Хамратъ, лейтенантъ фрегата «Князь Пожарскій», лишилъ себя жизни. Хамратъ былъ мишнымъ офицеромъ и совершалъ плаваніе вокругъ свѣта. Онъ былъ очень способный и выдающійся человекъ. Въ Японіи имъ была написана остроумная поэма. Человекъ по природѣ веселый, молодой, энергичный, онъ почувствовалъ отвращенія къ жизни и кончилъ меланхоліей и самоубійствомъ. Нѣкоторыя растраты и занутанность въ счетахъ онъ объясняетъ небрежностью счетоводства.

— «Церковно-Общественный Вѣстникъ» сообщаетъ прискорбное извѣстіе о внезапной кончинѣ преосвященнаго Нестора, епископа алеутскаго, который утонулъ на пути къ Алеутскимъ островамъ.

— По словамъ «Русскихъ Вѣдомостей», нѣкоторыя изъ поднадзорныхъ лицъ, освобожденныхъ теперь изъ-подъ надзора, предъявляютъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ претензіи о возмѣщеніи имъ убытковъ, понесенныхъ какъ въ отобраніи у нихъ во время обыска цензурно-дозволенныхъ книгъ, такъ и въ пропаянѣ изъ ихъ квартиръ нѣкоторыхъ драгоценныхъ вещей. Заявленія эти дѣлались потерпѣвшими лицами еще лѣтъ пять назадъ, то-есть тотчасъ послѣ обыска у нихъ въ квартирахъ, но тогда Третье Отдѣленіе оставило ихъ безъ вниманія».

— Въ газетахъ недавно появилось слѣдующее письмо, перепечатанное повсюду:

«По странному стеченію обстоятельствъ, возникновеніе привилегированнаго «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства», устроившаго въ своей администраціи нѣсколько синекурныхъ мѣстъ для телеграфныхъ чиновниковъ, совпадаетъ съ самыми необъяснимыми стѣсненіями частной передачи по телеграфу газетныхъ извѣстій.

«Отправляя ежедневно краткія телеграммы нѣкоторымъ провинціальнымъ изданіямъ, я сдалъ въ Павловскѣ, 4-го августа (квитанція № 77-й) буквально слѣдующую депешу:

«Жалобы Макшеева и другихъ судомъ безъ послѣдствій. Араби опасно заболѣли. Германская императрица тоже. Русско-турецкая конвенція сомнительна. Франція примыкаетъ итальянскому проекту охраны Суэзскаго».

«Тутъ, въ каждой фразѣ—общезвѣстный фактъ, прямо изъ газетъ заимствованный. Между тѣмъ, въ тотъ же день, 4-го августа, павловскій телеграфъ извѣстилъ меня (депешей № 479-й), что вся приведенная мною телеграмма цѣликомъ не пропущена главною телеграфною станціей.

«Уже нѣсколько лѣтъ, какъ я имѣю съ провинціальными изданіями ежедневныя телеграфныя сношенія, но, до возникновенія «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства» въ моей практикѣ никогда не встрѣчалось подобнаго необъяснимаго случая, налагающаго рѣшительный запретъ на передачу по телеграфу самыхъ невинныхъ и общезвѣстныхъ фактовъ.

«Примите и пр.

И. Василевскій.

— Слухъ о прекращеніи приѣма на женскіе медицинскіе курсы подтвердился. Прошенія болѣе не принимаются. Съ великою грустію врачебная печать занесла на свои столбцы этотъ «слухъ», которому суждено осуществиться, несмотря на множество просьбъ, накопившихся у начальства курсовъ, на глубокое сочувствіе, выраженное къ курсамъ во всѣхъ органахъ печати, на сочувствіе земства и петербургскаго городского управленія, несмотря, наконецъ, на два Высочайшія повелѣнія, которыми была освящена жизнь молодого учебнаго учрежденія, открывавшаго прекрасную дорогу трудящимся молодымъ женщинамъ.

Предполагая, что закрытіе курсовъ можетъ быть объяснено недостаткомъ средствъ, «Медицинскій Вѣстникъ» открываетъ при редакціи подписку (Николаевская улица, д. № 43).

— По поводу этого же событія передаютъ намъ о весьма затруднительномъ положеніи прибывшихъ на курсы изъ провинціи. Такъ какъ среди нихъ есть сибирячки, то мы обращаемъ вниманіе на этотъ фактъ, на случай также помощи.

— 9-го августа скончался членъ государственнаго совѣта графъ Ѳ. П. Литке, принадлежащій къ числу выдающихся государственныхъ дѣятелей.

— Генералъ-губернаторъ Туркестанской области Черняевъ выѣдетъ изъ Петербурга къ мѣсту своего назначенія не ранѣе половины будущаго сентября мѣсяца. Въ настоящее время онъ занятъ, какъ пишутъ «Рус. Вѣд.», разработкою плана преобразованія края, начертаннаго уже правительствомъ.

— Въ «Новостяхъ» передаютъ слухъ о томъ, что казенные золотые промыслы не будутъ болѣе передаваться въ частныя руки.

— Въ «Голосѣ», «Нов. Времени» и друг. газетахъ появилось разъясненіе сибирской судебной реформы. Комиссіею, разрабатывающею проектъ реформъ, которыя имѣютъ быть введены въ Сибирскомъ краѣ, окончательно разсмотрѣнъ вопросъ о постепенной замѣнѣ старыхъ судебныхъ учреждений, дѣйствующихъ въ этомъ краѣ, судебными уставами 1864 г. На первомъ планѣ ставится вопросъ объ организаціи слѣдственной части. Такъ какъ на полицейскія учрежденія въ губерніяхъ и областяхъ Сибири возложены трудно совмѣстимыя обязанности, полицейско-административныя, хозяйствен-

ныя и судныя, то признано необходимымъ отдѣленіе отъ окружныхъ и уѣздныхъ полицейскихъ управленій судебныхъ обязанностей чрезъ назначеніе въ каждое управленіе особыхъ засѣдателей взамѣнъ судебныхъ слѣдователей, учрежденіе должностей которыхъ признано несоотвѣтствующимъ условіямъ края. Затѣмъ идутъ вопросы о преобразованіи прокурорскаго надзора, объ улучшеніи самаго порядка производства слѣдствій, объ улучшеніи порядка судопроизводства въ нынѣшнихъ судебныхъ установленіяхъ Сибири, о введеніи въ Сибири мировыхъ судебныхъ учрежденій отдѣльно отъ общихъ съ предварительнымъ преобразованіемъ крестьянскихъ и инородческихъ судовъ, объ измѣненіи устройства общихъ судовъ въ Восточной Сибири и т. п. Утверждаютъ, что отдѣленіе суда отъ администраціи, преобразование прокурорскаго надзора и учрежденіе особыхъ засѣдателей взамѣнъ судебныхъ слѣдователей послѣдуютъ съ начала будущаго 1883 года, причемъ необходимая сумма на это преобразованіе въ размѣрѣ 100.000 р. уже занесена въ смѣту расходовъ министерства юстиціи на 1883 годъ.

— Извѣстіе о томъ, что въ Восточной Сибири готовится проектъ о раздачѣ и продажѣ земель въ частную собственность, вызвало въ газетахъ уже замѣчанія о томъ, что это угрожаетъ быть новымъ расхищеніемъ земель, подобно уфимскому и оренбургскому («Нов. Вр.» 10 августа, № 2316).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ

Хронологическія справки по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибири къ Русской Державѣ. Л. Майкова. «Журналъ мин. народн. просвѣщ.», 1881 года, за сентябрь.

Прежде всего авторъ указываетъ на событіе, которое, по его мнѣнію, слѣдуетъ принять за главное въ исторіи присоединенія Сибири къ Россіи. Такимъ главнымъ фактомъ онъ считаетъ согласіе царя Ивана Васильевича присоединить къ своимъ владѣніямъ завоеванную Сибирь, иначе сказать, главнымъ событіемъ въ дѣлѣ присоединенія Сибири авторъ считаетъ правительственную санкцію завоевательныхъ подвиговъ казацкой вольницы, которую ничто не уполномочивало вторгаться въ далекую страну и дѣлать тамъ завоеванія. Въ самомъ дѣлѣ, въ случаѣ неудачи похода въ Сибирь, московскому правительству пришлось бы имѣть совсѣмъ нежелательныя военныя столкновенія. Поэтому, когда въ Москву было донесено Чердынскимъ воеводой, Василюемъ Перепелицынымъ о томъ, что Строгановы послали Ермака для завоеванія въ Сибирь, правительство отправило Строгановымъ грамоту, въ которой высказывалось сильное порицаніе этимъ богатымъ вотчинникамъ за ихъ самоуправство. Но походъ Ермака имѣлъ счастливый исходъ. Это, однако, не дало намъ права считать завоеваніе Сибири въ это время фактомъ прочнымъ, закончившимся. Занятую страну нужно было удерживать. Для этого нужны были немалыя силы, которыхъ у Ермака не было. Это, какъ нельзя лучше, понимали сами казаки-завоеватели. Они вскорѣ же отправили въ Москву извѣстіе о занятіи части Сибири, прося подкрѣпленія. Царь благосклонно принялъ вѣсть о завоеваніи Сибири и послалъ въ Сибирь своихъ воеводъ съ войскомъ. Только со времени этого послѣдняго событія завоеваніе Сибири можно считать фактомъ несомнѣннымъ. Поэтому и за годовщину трехсотлѣтня присоединенія Сибири къ Россіи, по мнѣнію автора, слѣдуетъ принять именно годъ введенія Сибири въ систему земель, составлявшихъ тогдашнее Русское царство. Авторъ, на основаніи актовъ и лѣтописей сибирскихъ, опредѣляетъ время этого, по его мнѣнію, главнаго событія. Предварительно онъ дѣлаетъ критическую оцѣнку историческихъ документовъ, на основаніи которыхъ можетъ быть рѣшенъ разбираемый имъ вопросъ. Важнѣйшимъ актомъ, въ которомъ идетъ рѣчь о походѣ Ермака, служитъ царская грамота Строгановымъ о посылкѣ въ Чердынь казаковъ для обороны отъ набѣговъ инородцевъ и о томъ, чтобы не пускать казаковъ подъ предводительствомъ Ермака воевать Сибирь. Еще составитель Строгановской лѣтописи зналъ о существованіи этого документа и внесъ его въ свою лѣтопись. Затѣмъ, въ позднѣйшее время, эта гра-

мата была напечатана въ «Сибирской Исторіи» Миллера и въ дополненіяхъ къ Историческимъ Актамъ. На царской грамотѣ Строгановымъ находится помѣтка:—«Писано на Москвѣ, лѣта 7091 (1582), ноября въ 16 день». Карамзинъ, сопоставляя хронологическія указанія этой грамоты съ хронологическими данными Строгановской лѣтописи, въ которой упоминаемое грамотой выступленіе Ермака и современное этому нападенію Пелымскаго князя относятся къ 1551 году, смотрѣлъ съ недоверіемъ на факты, сообщаемые грамотой. Въ новѣйшее время нѣкоторые ученые, чтобы установить хронологическій порядокъ событій, 1582-й годъ грамоты измѣняютъ на 1581 годъ. По мнѣнію автора, всѣ эти сомнѣнія и поправки совершенно излишни. Все дѣло въ томъ, что въ Москвѣ не сразу узнали о двухъ одновременныхъ событіяхъ, т.-е. о выступленіи Ермака въ походъ и о нападеніи Пелымскаго князя. Сначала, за цѣлый годъ до отсылки грамоты 7091 (1582) года, изъ челобитья Строгановыхъ въ Москвѣ узнали о вѣстивіи Пелымскаго князя, и пермскому намѣстнику и Строгановымъ былъ отравленъ приказъ: «стояти за одно и беречися отъ воинскихъ людей отъ Вогуличь». Затѣмъ, Чердынскій воевода Перепелицынъ доносилъ правительству, что оборонительныя силы окраины совсѣмъ ослаблены выбитіемъ Ермака съ казаками въ Сибирь, въ чемъ главнымъ виновникомъ онъ признавалъ Строгановыхъ. Поэтому, 16 ноября 7091 (1582) года изъ Москвы отъ царя была послана грамота, которою Строгановымъ дѣлается упрекъ «въ воровствѣ и измѣнѣ». Составитель Строгановской лѣтописи обвиняемыхъ оправдываетъ тѣмъ, что Ермакъ съ казаками ушелъ «прежде прихода его окаиннаго и безбожнаго Пелымскаго князя» и что Строгановы, несмотря на отсутствіе Ермака съ казаками, доставили Чердыни нѣкоторую помощь.

Такимъ образомъ, авторъ приходитъ къ убѣжденію, что грамота 16 ноября 7091 (1582) года документъ вполне достовѣрный и очень важный для изученія исторіи завоеванія Сибири. На основаніи этой грамоты можно съ увѣренностью сказать, что Ермакъ выступилъ въ походъ 1-го сентября 7091 (1581) года и что до 16 ноября 7091 (1582) года, до времени упомянутой грамоты изъ Москвы, тамъ не знали о предпріятіи Строгановыхъ и Ермака. Далѣе авторъ переходитъ къ обзору сибирскихъ лѣтописей, которыя могутъ помочь рѣшенію вопроса о годѣ присоединенія Сибири къ Россіи. Строгановская лѣтопись, по времени составленія, самая первая. Карамзинъ отдаетъ преимущество этой лѣтописи, въ виду времени ея составленія, «около 1600 года» и въ виду достовѣрности сообщаемыхъ ею свѣдѣній. Небольсинъ, написавшій изслѣдованіе о покореніи Сибири, старался доказать позднее происхожденіе Строгановской лѣтописи и опровергалъ ея сообщеніе о томъ, что инициатива похода въ Сибирь принадлежитъ Строгановымъ. Но Соловьевъ вполне доказалъ, что, судя по этой лѣтописи, главными виновниками похода въ Сибирь были Строгановы, которымъ жалованной грамотой 1574 года предоставлялось право селиться и заводить промыслы на сибирскихъ рѣкахъ. Соловьевъ также указалъ, что въ составъ лѣтописи вошло нѣсколько царскихъ грамотъ. Авторъ признаетъ справедливымъ это указаніе Соловьева и прибавляетъ, что въ лѣтописи можно отыскать слѣдъ не менѣе, чѣмъ семи разныхъ царскихъ грамотъ Строгановымъ. Кромѣ этого, Строгановская лѣтопись, по мнѣнію автора, содержитъ въ себѣ нѣсколько хронологическихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно прослѣдить походъ Ермака. Второю лѣтописью по времени происхожденія считается лѣтопись Саввы Есипова, составленная въ первой четверти XVII вѣка. Почти по единогласному мнѣнію изслѣдователей, эта лѣтопись есть только лишь риторическая передѣлка Строгановской. Никакихъ особенныхъ хронологическихъ указаній она не представляетъ. Поэтому авторъ, принимая во вниманіе ея неважность, совсѣмъ ее игнорируетъ при рѣшеніи своего вопроса. Третья сибирская лѣтопись, такъ называемая Кунгурская, составлена въ концѣ XVII вѣка тобольскимъ боярскимъ сыномъ С. Ремезовымъ. Лѣтопись эта отличается подробнымъ изложеніемъ фактовъ, и представляетъ нѣкоторыя особенности въ объясненіи этихъ фактовъ. По мнѣнію Карамзина, Кунгурскою лѣтописью нужно пользоваться осторожно, такъ какъ, по его мнѣнію, составитель часто основываетъ свой разсказъ на народныхъ преданіяхъ и личныхъ соображеніяхъ. Историкъ Сибири Миллеръ, напротивъ, предпочитаетъ эту лѣтопись всѣмъ остальнымъ. Небольсинъ не довѣряетъ свѣдѣніямъ Кунгурской лѣтописи, но признаетъ нѣкоторую оригинальность во взглядахъ Ремезова на описанныя имъ событія. Но самъ авторъ особен-

ностью лѣтописи Ремезова считаетъ ея подробную хронологию. При этомъ, однако, въ этой лѣтописи выступленіе Ермака въ походъ относится къ 7087 (1579) году, что далеко несогласно съ указаніемъ лѣтописи Строгановской. Въ концѣ-концовъ, авторъ приходитъ къ убѣжденію, что для опредѣленія хронологіи похода Ермака болѣе всего можетъ служить Строгановская лѣтопись. Но такъ какъ лѣтопись Ремезова представляетъ нѣкоторыя интересныя особенности, авторъ считаетъ необходимымъ сравнить хронологическія указанія этихъ двухъ лѣтописей. Путемъ такого сравненія можно дополнить хронологическія данныя Строгановской лѣтописи. Авторъ при этомъ сопоставленіи лѣтописей игнорируетъ годовыя помѣтки Ремезовской лѣтописи, такъ какъ годъ очевидно, перепутаны. Но онъ принимаетъ во вниманіе мѣсячныя даты этой лѣтописи, такъ какъ онѣ часто сходны съ такими же датами лѣтописи Строгановской и поэтому заслуживаютъ довѣрія. Сравнивъ данныя Кунгурской и Строгановской лѣтописей, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Начало похода Ермака произошло 1-го сентября 1581 года. Городъ Сибирь занятъ былъ казаками 26 октября 1581 года. Ермакъ цѣлый годъ употребилъ на то, чтобы стать твердой ногой въ новозавоеванной странѣ. Послѣ чего, онъ послалъ сначала уведомленіе Строгановымъ о своихъ дѣлахъ. Затѣмъ, спустя всего нѣсколько мѣсяцевъ, казаки отправили посольство къ царю. Порядокъ событій былъ именно такой, потому что Строгановы, судя по лѣтописи, первые извѣстили царя о событіяхъ въ Азій. Посольство отъ Ермака къ царю отправилось изъ Сибири 22 декабря 1582 года, и возвратилось въ Сибирь 1-го марта 1583 года. Если предположить, что въ два мѣсяца можно было совершить переѣздъ отъ мѣста тогдашней стоянки Ермака въ Сибирь до Москвы и обратно, то, по мнѣнію автора, посольство отъ Ермака въ Москвѣ было въ концѣ января 1583 года, и въ это время состоялось официальное присоединеніе Сибири къ русскому царству. Такимъ образомъ, авторъ приходитъ къ окончательному выводу, что исходъ января 1583 года слѣдуетъ принять за начальный пунктъ для исчисленія трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибири къ Россіи.

БИРЖЕВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сегодня, 10 августа. Курсъ на Лондонъ на 3 мѣс. 24¹/₈ пенса за рубль, на Амстердамъ 122¹/₄ цент., на Гамбургъ 206 пфен. на Парижъ 254 сант. Полуимперіалы 8 р. 24 к., рубли серебр. 1 р. 36 к.; 5⁰/₁₀₀ бил. Госуд. Банка 1 вып. 94¹/₂, 2 в. 90¹/₂, 3 в. 90¹/₂, 4 вып. 90¹/₈, 5 вып. 90. Восточный заемъ 89³/₄, 5⁰/₁₀₀ Первый выигр. заемъ 215. Второй выигр. заемъ 213. Облиг. Спб. гор. кред. общ. 86¹/₂, Моск. гор. кред. общ. 86¹/₂, 5⁰/₁₀₀ закл. лист. общ. взаимн. позем. кред. (металл.) 128¹/₄, кред. 84, закл. лист. земск. банка Херс. губ. 92³/₈, Харьк. зем. банка 94¹/₂, 6⁰/₁₀₀ закл. лист. Тульск. зем. банка 94¹/₂, 6⁰/₁₀₀ закл. листы Виленск. зем. банка 94¹/₄, 6⁰/₁₀₀ закл. лист. Тифлисск. зем. банка 87, акц. Главн. общ. Рос. ж. д. 250.

ОЧЕРКИ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ МОНГОЛІИ

ПУТЕШЕСТВІЕ 1876—1877 гг.

Г. Н. ПОТАНИНА.

С.-Петербургъ, 1881 г.

Цѣна 3 р.

Требованія адресуются въ Императорское Географическое Общество.

СИБИРЬ КАКЪ КОЛОНИА.

КЪ ЮБИЛЕЮ ТРЕХСОТЛѢТІЯ.

Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее.

Н. М. ЯДРИНЦЕВА.

С.-Петербургъ, 1882 г. Цѣна 3 р.

Въ книжномъ складѣ Стасюлевича, Вас. Остр. 2 лин., д. 7; также въ конторѣ Редакціи «Восточное Обозрѣніе».